

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

ПОЛИТЭКОНОМИЯ
ИСТОРИИ

ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА

Политэкономия истории

Василий Галин

**Вторая мировая война.
Политэкономия истории**

«Алисторус»

2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)7

Галин В. В.

Вторая мировая война. Политэкономия истории / В. В. Галин —
«Алисторус», 2022 — (Политэкономия истории)

ISBN 978-5-907363-23-6

Победа Великих Держав: Англии, Франции и США в Первой мировой войне привела к торжеству демократии. Об этом дне мечтали многие поколения просвещенных европейцев. Казалось бы, «конец истории» достигнут, будущее несет только процветание, и Первая мировая станет последней европейской войной. Однако не успели затихнуть бравадные речи, как история пошла совсем по другому пути... к фашизму и к новой, еще более разрушительной, мировой войне. Почему? Случаен ли был такой поворот истории? В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)7

ISBN 978-5-907363-23-6

© Галин В. В., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Версаль	6
Перемирие	9
Лига Наций	13
Репарации	16
Репарации внешние	16
Репарации внутренние	23
Французские репарации	28
Американские репарации	33
Самый важный документ современности	41
Свобода торговли	41
На руинах империй	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Василий Галин
Вторая мировая война.
Политэкономика истории. Том 5

*Апокалипсическое настроение охватило нынче землю.
Нас уже не оставляет ощущение близящегося рока.*
В. Шубарт, 1939 г.

Сайт Автора: Galin.biz

© Галин В.Ю., 2022

Версаль

Война не имела себе равной в истории по напряжению и по жестокости, с какой уничтожались человеческие жизни и имущество. Мир, в свою очередь, должен был открыть новый путь, ведущий к лучшему международному взаимопониманию... к устойчивому и справедливому миру.

Э. Хауз, советник

американского президента В. Вильсона¹

На Парижской мирной конференции, подводившей итог Первой мировой войне, «нашей первой задачей, – указывал премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, – было заключение справедливого и длительного мира, и основание новой Европы на принципах, предотвращающих возникновение войн навсегда»².

Первые идеи восстановления вечного мира появились уже на следующий год после начала Первой мировой: в сентябре 1915 г. Циммервальдская международная социалистическая конференция выдвинула Манифест, в котором, указав на «империалистический характер войны», призвала к миру «без аннексий и контрибуций», на основе самоопределения народов. В мае 1916 г. к воюющим сторонам обратился американский президент В. Вильсон, который, сформулировав свои основные принципы демократического мира, призвал к «миру без победы».

Однако официальные круги противоборствующих сторон фактически проигнорировали послание президента. Вместе с тем в 1916 г., после побед ген. Брусилова, в Англии и Франции были созданы комитеты по выработке условий предстоящего мирного договора. 22 января 1917 г. Вильсон снова призвал положить конец войне, без завоевателей и побежденных: «разрешение вопроса, когда та или иная сторона остается раздавленной и исполненной духом мщения, – пояснял президент, – не даст безопасности в будущем. *Это должен быть мир без победы*»³. Ответ от союзников по Антанте последовал всего через несколько дней в Декларации премьер-министра Франции А. Бриана⁴.

Фактическим ответом на эту Декларацию стала февральская революция в России: 14 (27) марта с манифестом «К народам всего мира» обратился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, который призвал к «всеобщему миру без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение». В апреле В. Ленин, в своих программных «Апрельских тезисах», призвал к братанию на фронте, к миру «без аннексий и контрибуций», и немедленному переходу ко второму этапу революции – к социалистической революции¹.

Рассматривая мирные предложения и настроения союзников по Антанте, друг президента и американский посол в Лондоне У. Пэйдж приходил к выводу, что «Мир... принесет такие же проблемы, как и сама война. Я не могу думать о худшей задаче, чем длительные конференции союзников с их противоречивыми интересами и амбициями... И, конечно, многие будут недовольны и разочарованы, и, возможно, из этих разочарований могут произойти новые войны...»⁵.

«Мирные намерения» союзников действительно практически не выходили за рамки тех традиционных взглядов, которые господствовали в Европе в последние столетия. Они утверждали господство тех империалистических принципов, в которых война рассматривалась лишь, как форма проявления свободной конкуренции между народами. Настроения союзни-

---

¹ См. подробнее о мирных инициативах периода Первой мировой: Галин В. Первая мировая. // Политэкономика истории, т. 1, Гл.: Цели войны; Солдатская правда; Большевики; THE UNITED STATES OF AMERICA.

ков, все более усиливавшиеся с приближением победы, не оставляли в этом никаких сомнений. И вдруг на европейском горизонте неожиданно сверкнул луч надежды: «Что за великий человек, – писал в те дни Дж. Кейнс – пришел в Европу в эти ранние дни нашей победы!»⁶

Этим человеком был американский президент В. Вильсон. Основные принципы его послевоенного мира покоились на «четырнадцати пунктах», подготовленных в исследовательском бюро Э. Хауза. В них, империалистическому «миру» европейцев, были противопоставлены новые принципы – принципы «демократического мира»². Американская пресса восторженно встретила предложения своего президента: «Вчерашнее обращение президента Вильсона к конгрессу, – провозглашала «New York Tribune», – будет жить, как один из величайших документов американской истории и как одно из неизменных приношений Америки на алтарь мировой свободы»⁷.

Предложения президента несли надежду измученным войной народам Европы. Вильсона горячо встречали «в Париже, Лондоне и в английской провинции. Повсюду его приветствовали как вождя нового крестового похода за права человечества»⁸. «Невозможно было слушать документ, который зачитывал президент Вильсон..., не ощущая при этом, что всемирные проблемы поднимаются на новые высоты, – восклицала лондонская «Дейли мейл», – Старые представления национального индивидуализма, тайной политики соперничества в вооружениях, насильственных аннексий для своекорыстных целей и безоговорочного государственного суверенитета были подняты, хотя бы на одно мгновение, на более высокий уровень, где реально вырисовывалась перспектива организованной моральной сознательности народов, гласности международных соглашений и правления с согласия и для блага управляемых. Как долго продлится это мгновение?.. Сейчас этого никто сказать не сможет. Можно сказать только то, что вчера в зале конференции царил дух созидания чего-то нового, чего-то неотразимого. Все речи были выдержаны в тоне людей, которые поистине не боятся творения собственных рук, а, наоборот, вполне сознают смелость попытки создать новую хартию для цивилизованного и нецивилизованного человечества»⁹.

Передавая свои ощущения, от переговоров с Вильсоном и Ллойд Джорджем, 78 летний французский премьер Ж. Клемансо писал: «Я чувствую себя, словно сижу между Иисусом Христом по одну сторону и Наполеоном Бонапартом с другой». Вильсон по его словам «верит, что все можно сделать при помощи формул и «14 пунктов». Сам Бог удовлетворился десятью заповедями...». Отношение Вильсона к своей миссии характеризовал его ответ на предложение французов посетить опустошенные войной районы Франции: «Это негативно повлияет на мое хладнокровие... Даже если бы Франция целиком состояла из оружейной воронки, это не должно изменить конечного решения проблемы»¹⁰.

«Мне действительно кажется, – подтверждал Ллойд-Джордж, – что в начале настроенный идеалистически президент вполне серьезно считал себя миссионером, который должен спасти бедных европейских язычников от векового поклонения ложным и жестоким богам...». Наиболее наглядно эти настроения проявились тогда, «когда президент... решил объяснить нам, почему христианству не удалось достигнуть своих высоких идеалов. «Почему, – спросил он, – Иисусу Христу до сих пор не удалось убедить весь мир последовать его учению? Потому, что он проповедовал идеалы, не указав

---

² Чтобы, как можно дальше дистанцироваться от Англии и Франции, США даже вступили в войну, не как союзник, а как ассоциированный член.

практических мер к их достижению. Вот почему я предлагаю вам план для достижения его целей»¹¹.

Свой миссионерский ответ на 14-ть пунктов Вильсона Ллойд Джордж дал 25 марта, в своем «Меморандуме из Фонтенбло», включавшем проект мирных условий. «Меморандум...» начинался с фразы: «прочный мир должен быть основан на справедливости..., нам никогда не простят и не забудут проявления несправедливости и высокомерия в час победы»¹².

«Мы ехали в Париж, – пояснял британский дипломат Г. Никольсон, – не только затем, чтобы ликвидировать войну, но и основать новый порядок вещей в Европе. Мы готовили не просто мир, а вечный мир. Нас окружал ореол божественной миссии. Мы должны были быть сознательны, суровы, справедливы и готовы к самопожертвованию, ибо мы были связаны выполнением великих, вечных и благородных целей»¹³.

Однако еще до того, как отзвучали восторженные речи, переговоры о будущем мире пошли совсем не в том направлении, который провозглашали организаторы конференции. Победители споткнулись уже на первом вопросе:

Перемирие

Окончание войны, по инициативе американского президента, должно было начаться с подписания перемирия между сражающимися сторонами. Однако эта, очередная мирная инициатива Вильсона, как и все предыдущие, не вызвала восторга у «союзников».

«Не лучше ли нанести немцам поражение и дать немецкому народу возможность почувствовать подлинный вкус войны, – отвечал президенту Ллойд Джордж, – Это не менее важно с точки зрения мира на земле и лучше, чем их сдача в настоящий момент, когда германские армии находятся на чужой территории». «Было бы тысячекратно обидно, если бы мы прекратили битву до того, как разобьем их полностью на Западном фронте, – пояснял британский дипломат Х. Рэмболд, – Мы обязаны загнать их в их звериную страну, ибо это единственная возможность показать их населению, что на самом деле представляет собой война»¹⁴. Петен, Першинг и Пуанкаре настаивали на энергичном продолжении боевых действий. В Штатах республиканцы напоминали Вильсону старый лозунг генерала У. Гранта: «безоговорочная капитуляция». Противник президента сенатор Г. Лодж требовал «идти в Берлин и там подписать мир»¹⁵.

Столкнувшись с открытым сопротивлением своим взглядам, Вильсон был вынужден обмениваться нотами с немцами без оповещения своих «союзников». Споры длились бы еще долго, если бы представитель президента ультимативно не потребовал от «союзников» принять американские условия мира. В противном случае Хауз пригрозил заключением сепаратного мира с Германией. Можно представить, какое влияние оказал этот ультиматум на «союзников», в финансовом и материальном плане уже давно и полностью зависевших от своего американского партнера¹⁶.

«Европа, – пояснял Кейнс, – находилась в полной зависимости от продовольственных поставок из Соединенных Штатов, а в финансовом отношении вообще, абсолютно была в их милости. Европа не только была должна Соединенным Штатам более того, чем могла заплатить, но и нуждалась в дальнейшей массивированной поддержке, которая только и могла спасти Европу от голода и банкротства. Никогда еще ни один философ не держал в руках подобного оружия, связывающего правителей этого мира»¹⁷.

Как ни странно, в Германии инициативы Вильсона так же не встретили особого энтузиазма: «Условия перемирия стремятся нас обезоружить..., – указывал фактический главнокомандующий немецкой армией ген. Э. Людендорф, – если... требования будут направлены на умаление нашего национального достоинства или лишат нас возможности защищаться, то наш ответ будет, во всяком случае, отрицательным»¹⁸. Военно-политическая элита, несмотря на подавляющее превосходство противника, истощение ресурсов и наступающий голод, горела желанием продолжать войну. «Чтобы добиться мира, – пояснял свою настойчивость Людендорф, – нам нужно было военной победой поколебать положение Ллойд Джорджа и Клемансо. До того о мире нечего было и думать... я не мог верить в какой-либо достойный нас мир»¹⁹.

Однако в словах Людендорфа уже звучали нотки пессимизма: «В общем, наши войска дрались хорошо, но некоторые дивизии... явно неохотно шли в атаку; это наводило на определенные размышления... С другой стороны, такие факты, как задержка войск у найденных складов и поиск отдельными солдатами продовольствия в домах и дворах, приводили к тяжелым сомнениям. Эти явления указывали на недостаток дисциплины... Отсутствие старых кадровых офицеров сильно давало о себе знать... К тому же в первой половине войны рейхстаг смягчил дисциплинарные взыскания..., был отнят самый действенный способ дисциплинарного взыскания, а именно замена строгого ареста подвешиванием... В другое время смягчение

наказаний пошло бы на пользу, но теперь оно оказалось роковым... Антанта своими значительно более строгими наказаниями достигала большего, чем мы»²⁰.

Но если на фронте военная дисциплина в той или иной мере еще сдерживала эксцессы и брожения, то в тылу уже всюду бушевала революция. Так же, как и годом раньше в России, в Германии «большинство запасных частей... перешли на сторону революционеров»²¹. «Германия – прямым ходом движется к революции...», – вспоминал об октябре 1918 г. немецкий дипломат Г. фон Дирксен, – Повсюду маршировали матросы с красными флагами... В начале ноября был «захвачен» Магдебург, и стало вопросом нескольких дней, когда и Берлин постигнет та же участь». В Германии ясно ощущалась смертельная опасность «всеобщего хаоса и замедленного падения в пропасть... Коммунисты захватили власть... в Бремене, Саксонии и в Руре...»²².

Немецкие последователи русских большевиков – независимые социалисты и спартаковцы требовали немедленного мира на любых условиях. В начале ноября над Берлином развевались красные флаги. К. Либкнехт провозгласил свободную Германскую социалистическую республику. Транспаранты над демонстрациями, отличавшимися чисто немецкой дисциплиной, требовали «Свободы, Мира, Хлеба!». Солдаты массами переходили на сторону восставших. Сменивший Людендорфа, командующий немецкой армией ген. В. Гренер сообщал Вильгельму II, что армия больше не будет подчиняться ему. Это заявление подтвердили все высшие чины германской армии: «Войска не выступят против своей страны... Они хотят лишь одного перемирия немедленно»²³.

Четыре года страна стояла, как скала, а сейчас, – восклицал Гренер, – зараженная ядом большевизма она превратилась в труп: «Везде... и полностью уничтожалась способность отечества к обороне. Исчезла гордая германская армия, которая выполнила невиданные в истории дела и в течение четырех лет противостояла превосходящему по силам противнику»²⁴. Западный фронт рухнул, солдаты толпами сдавались в плен. «Мир созерцал с удивлением эти события и не мог понять, что происходит: слишком невероятным являлся развал гордой и могущественной Германской империи... Но Антанта, – отмечал Людендорф, – еще опасалась нашей силы, которая в действительности была уже уничтожена, и продолжала делать все возможное, чтобы использовать благоприятный момент, поддерживая посредством пропаганды процесс нашего внутреннего разложения, и вынуждала нас заключить мир илотов...»²⁵.

С немецких генералов слетел их боевой пыл, революция виделась им гораздо большей опасностью, чем даже мир Вильсона. Теперь они уже сами требовали мира, пугая союзников большевистской угрозой: «Наш заслон против большевиков стал уже очень тонким и едва ли был достаточным. Генерал Гофман и я, – вспоминал Людендорф, – подчеркнули, что опасность большевизма очень велика, и настаивали на необходимости сохранить пограничный кордон»²⁶. Эти опасения полностью разделял Ллойд Джордж: «Величайшая опасность в данный момент заключается... в том, – писал он своим партнерам по «Сердечному согласию», – что Германия может связать свою судьбу с большевиками... Такая опасность не химера... Если мы благоразумны, мы предложим Германии такой мир, который, будучи справедливым, покажется всем мыслящим людям предпочтительней, чем другая альтернатива – большевизм»²⁷.

Но главнокомандующий союзными войсками маршал Ф. Фош не поддавался на эти угрозы: «До тех пор, пока германские делегаты не примут и не подпишут предложенные условия, военные операции против Германии остановлены не будут». Зачем Эрцбергер пугает союзников большевизмом: «Иммунитет к нему исчезает только у наций, полностью истощенных войной. Западная Европа найдет средства, как бороться с этой опасностью»²⁸. «Немцы, – приходил к выводу Клемансо, – пользуются большевизмом как жупелом, которым они хотели бы запугать союзников»²⁹.

В то же время союзники сами были полностью истощены войной и под давлением ультиматума Хауза они все больше шли у него на поводу. Тот же Фош писал: «Я вижу в подписании перемирия только преимущества. Продолжать борьбу в текущих условиях означало бы подвергать себя огромному риску. Примерно пятьдесят или сто тысяч французов погибли при достижении необязательной цели. Я буду в этом упрекать себя всю оставшуюся жизнь. Крови пролито достаточно. Все, хватит». «Я, – отвечал Клемансо, – полностью с вами согласен»³⁰. Соглашение о перемирии было подписано 11 ноября 1918 г.

«Я боюсь того, – откликнулся на этот акт командующий американскими войсками в Европе ген. Дж. Першинг, – что Германия так и не узнает, что ее сокрушили. Если бы нам дали еще одну неделю, мы бы *научили* их». И действительно, после подписания перемирия генерал фон Айнем, командир 3-й германской армии, обратился к своим войскам: «Непобежденными вы окончили войну на территории противника»³¹. Принимая парад у Бранденбургских ворот, Эберт говорил солдатам: «Враг не победил вас. Никто не победил вас»³². Армия возвращалась домой гордым маршем, она осталась непобежденной. Немецких солдат Германия встречала торжественно и радостно, как «героев» покоривших почти всю Европу. Вся Германия восклицала: «Мы не победили, но и не проиграли...»³³.

К признанию ответственности за Первую мировую войну немцев, осенью 1919 г., призывает только идейный лидер германской социал-демократии К. Каутский: «германский народ гнуснейшим образом обманут своим правительством и... вовлечен в войну. Теперь это... должно быть признано всеми честными элементами Германии... Это будет лучшим средством для Германии приобрести вновь доверие народов и устранить у победителей влияние милитаристической политики насилия, которая в настоящее время стала самой сильной угрозой покою и свободе всего мира»³⁴.

В тот же год, одним из лекторов для противодействия революционной пропаганде среди солдат, военное командование Мюнхена направит, только что оправившегося от ран, бывшего ефрейтора. Спустя четыре года он напишет: объяснение причины катастрофы Германии проигранной войной является наглой «сознательной ложью»³⁵. Виновниками катастрофы, будущий фюрер назовет «партийно-политическую шваль» Эбертов, Шейдеманов, Бартов, Либкнехтов... «Разве эти апостолы мира не утверждали..., что только поражение германского «милитаризма» обеспечит германскому народу небывалый подъем и процветание? Разве именно в этих кругах не пели дифирамбов доброте Антанты и не взваливали всю вину за кровавую бойню исключительно на Германию?»³⁶

Между тем принципы мира, предложенные Вильсоном, действительно подкупали своей демократичностью. «Послания президента Вильсона сделали столько же, сколько голод и жестокие потери на поле боя, чтобы сломить упорное сопротивление немецкого народа»³⁷, – приходил к выводу экс премьер-министр Италии Нитти, «слова Вильсона, который пообещал справедливый мир..., полностью сломили ту силу сопротивления, которая еще оставалась»³⁸.

В соответствии с принципами, установленными Вильсоном, должна была осуществляться и процедура перемирия: «Характер контракта между Германией и союзниками..., – пояснял Кейнс, – ясен и недвусмысленен. Мирные условия должны согласоваться с обращением президента, а предметом занятий мирной конференции является обсуждение деталей их проведения в жизнь. Обстоятельства, сопровождающие этот контракт, носят необычайно торжественный и связывающий характер, ведь одним из его условий было согласие Германии принять статьи перемирия, которые были таковы, что делали ее совершенно беспомощной. Так как Германия обезоружила себя в уповании на контракт, то для союзников было делом чести выполнить принятые на себя обязательства; если эти обстоятельства допускали двусмыслен-

ное толкование, то союзники не имели права использовать свое положение, что бы извлечь для себя выгоду из этой двусмысленности»³⁹.

Однако, как отмечает историк Дж. Фуллер, «союзники не выполнили своих обязательств. Вместо этого поставив Германию в беспомощное положение, они, во-первых, отказались от процедуры, применявшейся на предшествовавших мирных конференциях, включая переговоры в Брест-Литовске, а именно устные переговоры с представителями врага, во-вторых, на всем протяжении конференции не снимали блокады, в-третьих, союзники разорвали в клочья условия перемирия»⁴⁰.

«Все наши средства принуждения действуют или мы намерены пустить их в ход, – подтверждал У. Черчилль в своем выступлении в палате общин 3 марта 1919 г., – Мы энергично проводим блокаду. Мы держим наготове сильные армии, которые по первому сигналу двинутся вперед. Германия находится на грани голодной смерти. Информация, которую я получил от офицеров, посланных военным министерством в Германию и объехавших всю страну, показывает, что, во-первых, германский народ терпит величайшие лишения, во-вторых, есть огромная опасность того, что вся структура германского национального и социального устройства может рухнуть под давление голода и нищеты. Именно теперь настало подходящее время для мирного урегулирования»⁴¹. Именно в этот момент, повторял в своих воспоминаниях Черчилль, «победители продиктовали немцам либеральные идеалы западного мира»⁴².

Конференция открылась 19 января 1919 г. в Зеркальном зале Версаля, в тот же день и в том же месте, где в 1871 г. было провозглашено создание Германской империи³.

«Уполномоченные 27 наций, собрались в Версале... Глядя на знакомые лица, я понял, – писал вл. кн. Александр Михайлович, – что перемирие уже вызвало пробуждение самых эгоистических инстинктов: основы вечного мира вырабатывались теми же государственными людьми, которые были виновниками мировой войны. Спектакль принимал зловещий характер даже для выдавших виды дипломатов. Бросалась в глаза фигура Артура Бальфура... Вот и я, – казалось, говорила его капризная усмешка. – Я готов принять участие в мирной конференции в обществе всех этих старых лисиц, которые сделали все от них зависящее, чтобы поощрить мировую бойню. В общем, ничего не изменилось под солнцем, несмотря на уверения газетных публицистов... За исключением американской делегации, состоявшей из весьма неопытных и неловких людей..., все остальные делегаты были виновниками преступления 1914 года»⁴³.

---

³ Конференция закончится 28 июня в день убийства принца Франца-Фердинанда, послужившего началу Первой мировой войны.

Лига Наций

Мы способны создавать действенные миротворческие организации не более чем люди 1820-х годов способны были построить электрическую железную дорогу. И все-таки мы уверены, что наша задача вполне реальна и, возможно, уже близка к разрешению.

Г. Уэллс⁴⁴

В Англии комиссия, по обсуждению «старой идеи» о создании Лиги Наций, была создана в январе 1917 г. Во Франции палата делегатов приняла постановление о создании Лиги Наций 5 июня 1917 г., в целях «обеспечения прочных гарантий мира и независимости для великих и малых государств...»⁴⁵. Главным пунктом своей программы, президент США Вильсон так же выдвинул: создание «ассоциации наций с целью обеспечения гарантий политической независимости и территориальной целостности, как для великих, так и для малых стран»⁴⁶.

Создание Лиги Наций стало первым вопросом, поставленным на Парижской конференции американским президентом: «С созданием Лиги Наций, – провозглашал Вильсон, – спадет пелена недоверия и интриг. Люди смогут смотреть друг другу в лицо и говорить: мы братья, у нас – общая цель. В Лиге Наций у нас есть теперь договор братства и дружбы»⁴⁷. Лига Наций рассматривалась Вильсоном, как фундамент, «как первооснова, необходимая для постоянного мира»⁴⁸.

Однако, несмотря на полное единодушие в вопросе создания Лиги Наций, ни одна из Великих Держав не была готова поступиться ради нее своими интересами⁴. Англия держалась за свои священные принципы «блестящей изоляции», которые на протяжении веков давали ей полную свободу действий, обеспечивая ее мировое лидерство. Отказываться от своих преимуществ Лондон не собирался. Лед тронулся, когда США разрешили Лондону ввести в совет Лиги пять своих доминионов: Канаду, Австралию, Индию, Новую Зеландию и Южную Африку. Хауз обосновывал этот шаг своей страны тем, что «вернейшей гарантией мира во всем мире является тесная политическая дружба народов, говорящих на английском языке»... «успех Лиги в значительной мере будет зависеть от прочного сотрудничества между Соединенными Штатами и Великобританией с ее заморскими доминионами»⁴⁹.

Для привлечения на свою сторону Италии, Вильсону пришлось пойти против собственных принципов – отрицания тайных договоров, и фактически гарантировать помощь Италии в овладении Трентино, которую Англия и Франция обещали Италии по Лондонскому тайному договору.

Для Франции Лига наций имела какое-либо практическое значение только в случае, если она могла защитить ее от Германии. В этих целях Франция потребовала создания международной военной силы, действующей под контролем Лиги наций. Вильсон ответил категорическим отказом, поскольку «конституция Соединенных Штатов не допускает подобного ограничения суверенитета страны; лорд Р. Сесиль занял подобную же позицию в отношении Британской империи... заседание было прервано, причем создалось очень тяжелое положение»⁵⁰. Франция уступила только после того, как американский президент *пообещал* помощь Франции в случае «неспровоцированной агрессии Германии».

Оставались сами Соединенные Штаты, в которых вопрос создания Лиги наций встретил непреодолимое сопротивление. «Несомненно, народ Соединенных Штатов в подавляющем

---

⁴ К этому времени из 27 стран, принявших участие в работе мирной конференции, все дела фактически решала тройка Англия, Франция и США.

большинстве стоит за Лигу наций. Это я могу заявить с полной уверенностью, – комментировал существовавшее положение Хауз, – однако есть много *влиятельных кругов*, в особенности среди людей, относящихся с предубеждением к Великобритании, которые оказывают весьма значительное сопротивление в вопросе о Лиге»⁵¹.

Позиция «влиятельных американских кругов», которые сначала поддерживали планы Вильсона, определялась тем, что они представляли себе Лигу Наций, как своеобразное «акционерное общество», где США имея абсолютное экономическое превосходство, фактически получали бы контрольный пакет над управлением всем миром. Эти настроения подогревал сам Вильсон, который заявлял: «Становясь партнерами других стран, мы будем главенствовать в этом союзе. Финансовое превосходство будет нашим. Индустриальное превосходство будет нашим. Торговое превосходство будет нашим. Страны мира ждут нашего руководства»⁵². Комментируя свои слова, Вильсон цитировал южноафриканского генерала Сметса: «Европа ликвидируется, и Лига Наций должна быть наследницей ее огромных достояний»⁵³.

Европейцы почувствовали эту угрозу, таящуюся в новых принципах международной демократии провозглашенных Вильсоном. По мнению Клемансо, они создавали возможность вмешательства во внутренние дела европейских империй. «Недопустимо, чтобы президент Вильсон диктовал нам, как должен управляться мир, – восклицал, отражая общие настроения премьер-министр Австралии У. Юз, – Если бы спасение цивилизации зависело только от Соединенных Штатов, то цивилизация была бы сегодня в слезах и цепях»⁵⁴.

Противодействие союзников по Антанте заставило американцев засомневаться в достижимости их глобальных целей. Госсекретарь Р. Лансинг 19 мая 1919 г. приходил к выводу, что Лига Наций бесполезна для Америки, что эффективно преодолеть сопротивление других великих держав США не смогут⁵⁵. Защищать же, в рамках Лиги Наций, статус-кво дряхлеющих Европейских империй, уже поделивших мир между собой, было явно не в интересах Америки.

И «влиятельные круги» предпочли возвращение Соединенных Штатов к политике изоляционизма. Поясняя ее принципы, экс-президент Т. Рузвельт заявлял: «Мы не интернационалисты, мы американские националисты»⁵⁶. Но даже изоляционизм, сам по себе, казался уже паллиативом. Утверждая новые принципы американской внешней политики, самый громкий противник Вильсона сенатор Г. Лодж пояснял: «Это не изоляционизм, а свобода действовать так, как мы считаем нужным, не изоляционизм, а просто ничем не связанная и не затрудненная свобода Великой Державы решать самой, каким путем идти»⁵⁷.

Американский Конгресс отказался ратифицировать Версальский договор. Потрясенным европейским союзникам «без особых церемоний» было предложено лучше изучать американскую конституцию⁵⁸. Этим решением Вашингтона, – по словам Черчилля, – Лиге Наций был нанесен «смертельный удар»⁵⁹. «При такой эгоистической точке зрения никакое моральное усовершенствование международных отношений невозможно, – подтверждал, комментируя решение американского Конгресса ген. Н. Головин, – потому, что всякий духовный идеал достижим лишь для тех, кто готов бороться за его достижение, а не только говорить о высоких принципах. Добрыми намерениями вымощена дорога в ад»⁶⁰.

О последствиях провала своих усилий, президент Вильсон предупреждал еще до начала версальской конференции: «Я не могу принять участие в мирном соглашении, которое не включало бы Лигу наций, потому что такой мир через несколько лет приведет к тому, что не останется никаких гарантий, кроме всеобщих вооружений, а это будет гибельно»⁶¹.

Вместе с уходом США из Лиги Наций теряли силу и британские гарантии Франции, находившиеся в зависимости от обязательств США. Франция оставалась один на один с Германией. Правда борьба за мир не прекратилась, но из принципа сосуществования, она отошла в область

стратегических интересов Великих Держав... Вашингтон, следуя своей стратегии «неограниченной свободы», в августе 1921 г. заключил сепаратный мир с Германией. Мирный договор провозглашал, что США будут пользоваться всеми привилегиями, которых им удалось достичь в 1919 г. в Париже, но не признают никаких ограничений, содержащихся в послевоенной системе мирных договоров.

В 1928 г. США попытаются перехватить лидерство в мировых делах, посредством инициирования, вместе с Францией, многостороннего пакта об отказе от войны как орудия национальной политики. Пакт Келлога по своей идее вступал в конкуренцию с институтом Лиги Наций. Но на деле, как отмечала консервативная «Нью-Йорк ивнинг пост», это был чисто декларативный документ: «Пакт означает как будто так много, но на деле означает так мало»⁶². Даже многие сторонники пакта, подтверждал Нью-Йоркский «Джорнал оф коммерс», считали его лишь «красивым жестом»⁶³. Пакт Келлога изначально носил характер лишь морального обязательства, а интерпретации, внесенные Англией и США, вообще фактически дезавуировали его.

Единственным государством, которое сразу без всяких задержек и оговорок признало и ратифицировало пакт Келлога, был Советский Союз. Более того он предложил своим непосредственным соседям (Польше, Литве, Эстонии, Латвии, Румынии, Финляндии, Персии и Турции) ввести пакт в силу немедленно, не дожидаясь всеобщего признания.

Однако скоро наступило разочарование, как докладывал нарком иностранных дел М. Литвинов Сталину в мае 1930 г.: «В настоящее время всем ясно, что пакт Келлога никакого влияния на разоружение не оказал. Англо-французское морское соглашение..., англо-американское соглашение, закончившееся Лондонской конференцией, с ослепительностью молнии показали, что, несмотря на десятилетние разговоры в Лиге наций о разоружении и на пакт Келлога, капиталистические государства намерены и впредь строить свои внешнеполитические планы и взаимоотношения на соотношении военно-морских сил, на учете новых войн...»⁶⁴.

Французы не строили иллюзий и начали вкладывать миллиарды в постройку оборонительной линии на границе с воинственным соседом. За 1928–1935 гг. на укрепление границ будет ассигновано 4,5 млрд франков чрезвычайных кредитов. Военные расходы Франции в этот период составляли 4–6 % ВВП.

20 сентября 1932 г. президент США Г. Гувер заявит, что Версальский договор касается только Европы⁶⁵. А в 1935 г. принцип американского изоляционизма будет закреплен в Законе о нейтралитете.

Репарации

Эгоистические интересы обыкновенно вызывают самообман. Жадность бывает слепа. Нельзя доверять эгоизму и корыстолюбию, чтобы обеспечить мир. Эгоизм не обеспечивает в мире ничего, что стоило бы оберегать. Эгоизм выплачивает высокие дивиденды, но растрчивает капитал...

Д. Ллойд Джордж⁶⁶

Репарации внешние

Человечество не доросло еще до действительного проведения в жизнь начал «объективной» справедливости... каждый народ защищает свою «субъективную справедливость», свое «субъективное понимание права».

Н. Головин⁶⁷

Принцип репараций, утвержденный в соглашении о перемирии, гласил, что Германия возместит весь убыток, причиненный немцами гражданскому населению союзников и их имуществу. Однако после заключения перемирия европейские представители Антанты потребовали включить в репарационные платежи, помимо ущерба гражданских лиц еще и косвенные убытки, и военные расходы, тем самым, по сути, превратив репарации в контрибуцию.

Британская комиссия по исчислению репараций, составленная из ведущих представителей правительственных, деловых и научных кругов (отражая мнение Объединенных торговых палат и Федерации британской промышленности) исчислила общую сумму только прямых расходов союзников на войну в 24 млрд ф. ст., проценты по этой сумме составляли 1,2 млрд ф. ст. ежегодно. Таким образом, общая сумма репараций исчислялась в 40 млрд ф. ст. (177 млрд долл.)⁶⁸ Министр финансов Франции определил общую сумму немецких компенсаций в 200 млрд долл. с выплатой в течение 34 лет⁶⁹, американцы остановились на – 22 млрд долл.⁷⁰

Ллойд Джордж назвал эти цифры: «дикой и фантастической химерой»⁷¹. Общая сумма компенсаций, которую требовали Лондон и Париж⁷², была эквивалентна 265–300 тыс. тонн золота⁷³, и в 2,5 раза превосходила величину довоенного национального богатства Германии⁷⁴, или в 200 раз – сумму, которую французы заплатили немцам в 1871 г. и которую французы считали тогда чрезмерной⁷⁵. Тем не менее, 27 февраля 1919 г. «англичане и французы пожелали невозможного, требуя, чтобы Германия оплатила всю стоимость войны...»⁷⁶.

Лидеры обеих оппозиционных партий британского парламента: либералов и лейбористов, обещали заставить Германию заплатить за все «до последнего фартига»⁷⁷. Не отставала, по словам итальянского экс-премьера Нитти, «наглая и невежественная пресса, которая обманула общественность, убедив ее в том, что Германия может платить 20 или 25 миллиардов долларов в год»⁷⁸. Общество «не удовлетворено термином «предел платежеспособности», который может означать все и ничего..., – заявлял газетный магнат Нортклиф, – Опасаюсь серьезных волнений в стране по этому поводу»⁷⁹.

За безусловную выплату репараций выступил даже такой консервативный и авторитетный журнал, как «Экономист»⁸⁰.

Во Франции министр финансов Л. Клоц, по словам Ллойд Джорджа, «возбуждал неосуществимые надежды» и с упорством «всегда отстаивал взгляд, что Германия может и должна заплатить полностью... Весьма способные люди, как Тардые (будущий премьер-министр) и другие почтенные французские государственные деятели, в том числе Думер, впоследствии президент республики, разделяли этот взгляд»⁸¹.

Ллойд Джордж сам виноват в этих непомерных требованиях, заявлял в ответ Кейнс: «Они заплатят за все», он сделал лозунгом своей избирательной кампании. «Политический инстинкт не подвел Ллойд Джорджа. Ни один кандидат не мог противостоять этой программе»⁸². «Не к чему порицать политических деятелей, – оправдывался Ллойд Джордж, – Если они не поведут за собой общественное мнение, которое лишь одно дает им авторитет, они непременно потерпят неудачу»⁸³. «Мы, – пояснял Ллойд Джордж, – явились в Париж уже связанные неоднократными заявлениями по поводу мирных условий, обеспечившими нам поддержку народа и его готовность идти на жертвы, что только и дало нам возможность продолжать борьбу до полной победы»⁸⁴.

Европейские «премьер-министры далеко не обладали полнотой верховной власти, – подтверждал Хауз, – Разбудив во время войны народные страсти, – а это являлось изведанным средством воюющих сторон, – они породили франкенштейнское чудовище, перед которым они теперь сами были беспомощны. Они могли идти на компромисс, если они были достаточно искусны, но уступать им не позволили бы»⁸⁵.

Действительно, на всем протяжении конференции английская и французская пресса обвиняла своих премьер-министров в том, что они обманули доверие своих избирателей «позволив Германии легко отделаться»⁸⁶. А лидеры оппозиции, по словам Ллойд Джорджа, «проявляли исключительную готовность воспользоваться любым недовольством среди сторонников правительства, чтобы вступить в сношение с недовольными и добиться свержения кабинета»⁸⁷.

При этом союзники сами признавали невозможность удовлетворения Германией всех претензий победителей. Этот факт фиксировала ст. 232 Версальского договора, в которой отмечалось, что «союзники и ассоциированные члены признают, что ресурсы Германии... неадекватны требованию компенсации всех потерь и убытков»⁸⁸. Финансовый советник президента Вильсона Н. Дэвис, оценивал текущие платежеспособные возможности Германии в 3 млрд. ф. ст., а максимальные, с частичным покрытием в немецких марках, в 6 млрд ф. ст. При этом в американском меморандуме отмечалось: «целесообразно ли с политической точки зрения потребовать от Германии такую большую сумму..., все это может в конце концов повлечь за собой отказ от мирного договора и привести к нарушению всеобщего мира»⁸⁹.

Советник президента Хауз вообще считал бесполезным пытаться исчислять величину репараций: «Несомненно, что они были больше того, что Германия могла бы уплатить без разрушения экономической организации Европы и поощрения германской торговли за счет самих союзников. Весь мир только выиграл бы, если бы Германия сразу уплатила своими ликвидными средствами»⁹⁰. К подобным выводам, приходил и Кейнс: «страны Европы находятся между собой в такой тесной экономической зависимости, что попытка осуществить эти требования (выплаты репараций Германией) может разорить их»⁹¹.

Для Европы, утверждал Хауз, «лучше признать Германию банкротом и взять с нее столько, сколько она фактически может заплатить...»⁹². В противном случае, предупреждал Кейнс, непосильные репарации приведут: либо к победе большевизма в Германии, что «вполне могло бы стать прелюдией к революции повсюду...», и ускорило бы страшный союз Германии и России»; либо к «победе реакции в Германии, которая будет рассматриваться всеми, как угроза европейской безопасности, как угроза плодам победы и основам мира»⁹³.

Видный американский экономист Т. Веблен еще в 1917 г. заклинал государственных деятелей Запада, в случае если они одержат победу, не подвергать Германию непосильным репарациям и торговому бойкоту – не запускать традиционный механизм возбуждения национальной вражды⁹⁴.

Выход из положения нашел Клемансо, который предложил вообще не включать в договор, какой-либо определенной суммы. «Мсье Клемансо... выступил с заявлением, что о какой бы сумме, в конечном счете, ни договорились эксперты, для предъявления счета Германии эта сумма окажется значительно меньше, чем ожидает французский народ, а поэтому никакой кабинет, который принял бы ее как окончательную, не смог бы удержаться. М-р Ллойд Джордж..., с готовностью присоединился к этой точке зрения»⁹⁵.

«Если бы в договоре была указана цифра в 2,5 млрд ф. ст., – пояснял свое согласие Ллойд Джордж, – ни одно из союзных правительств не удержалось бы, потому что ни один парламент в союзных странах... не санкционировал бы такую низкую цифру»⁹⁶.

В итоге в Версальском договоре относительно величины репараций было записано только то, что: «Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзниками и ассоциированными членами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников»⁹⁷. Статья 235 договора предусматривала выплату 1 млрд марок к 1 мая 1921 г., после чего будет определена общая сумма репараций⁹⁸.

При распределении репараций, Ллойд Джордж предложил поделить их в соотношении: 50 % – Франции, 30 % – Англии, остальным странам – 20 %. Клемансо потребовал 56 % и «не центом меньше», Англии оставалось – 25 % и 19 % – всем остальным⁹⁹. По итогам торгов Франции досталось 52 %, Британской империи – 22 %, Италии – 10 %, Бельгии – 8 % и т. д.

В феврале 1921 г. общая сумма репараций была определена в 226 млрд золотых марок (54 млрд долл.). В мае 1921 г. на Лондонской конференции она была снижена до 132 млрд марок ~ 6,4 млрд ф. ст. (31 млрд долл.), что в 3 раза превышало национальный доход Германии в 1913 г., или в 5,6 раза – среднегодовой национальный доход в 1920–1923 гг. В основе расчетов срока выплаты репараций лежала «постоянно сумма, которую Германия сможет уплатить», максимальный срок принимался в пределах 30–35 лет. Так как «При более длительном сроке нарастающие проценты превысили бы сумму ежегодных взносов в счет основного долга»¹⁰⁰. Срок был установлен в 37 лет, с 5 %-ной пеней на просроченные платежи, ежегодный объем выплат составлял 4 млрд золотых марок, т. е. 10 % ВВП 1920–1923 гг.

Назначенные Германии выплаты в несколько раз превышали ее платежные возможности, отвечал на это Кейнс, который пришел к выводу¹⁰¹, что максимальная сумма репараций, которую Германия могла выплатить, составляла всего 2 млрд ф. ст.¹⁰² Эта сумма была озвучена за год до Кейнса в Меморандуме британского министерства торговли от 26 ноября 1918 г., который определял всю сумму репараций (как прямых, так и

косвенных) в 2 млрд ф. ст., при этом отмечалось, что «остается еще, однако, установить, возможно ли практически взыскать такую большую сумму с центральных держав..., взыскание этих сумм будет связано с очень серьезным экономическим давлением на центральные державы в течение долгого времени»¹⁰³.

При этом, еще до начала выплаты репараций, Германия должна была удовлетворить ряд первоочередных требований победителей. Целая серия статей была посвящена ликвидации немецкой собственности за рубежом. Представление о них давала ст. 217 договора устанавливавшая, что «союзники и партнеры оставляют за собой право конфисковать и ликвидировать все имущество, претензии и интересы, принадлежащие на дату ратификации договора гражданам Германии или контролируемым ими фирмам, расположенным на их территориях, колониях, владениях и протекторатах, включая территории, переданные в соответствии с положениями договора»¹⁰⁴. И союзники не преминули воспользоваться этими статьями. Французы конфисковали всю частную и государственную собственность немцев в Эльзасе-Лотарингии¹⁰⁵. Американцы секвестрировали всю германскую собственность на американской территории на сумму 425 млн. ф.ст. (более 2 млрд долл., или свыше 8 млрд золотых марок) и захватили германские корабли общим тоннажем вдвое против потерянного.

Еще до выплаты репараций Германия должна была поставить победителям 371 тыс. голов скота, 150 тыс. товарных и 10 тыс. пассажирских вагонов, 5 тыс. паровозов, передать союзникам все свои торговые суда водоизмещением более 1600 т, половину судов водоизмещением свыше 1000 т, четверть рыболовных судов и пятую часть речного флота, поставить Франции 140 млн. т. угля, Бельгии – 80 млн., Италии – 77 млн. а также передать победителям половину своего запаса красящих и химических веществ. По Версальскому договору Германия так же теряла 13 % территории, 10 % населения, 15 % пахотных земель, 75 % железной и 68 % цинковой руд, 26 % угольных ресурсов, всю текстильную промышленность и т. д. Дополнительно Франции были предоставлены в собственность: все права на использование вод Рейна для ирригации и производства энергии, все мосты на всем их протяжении и наконец, под управление немецкий порт Kehl сроком на семь лет¹⁰⁶.

Англичане, в свою очередь, прибрали к своим рукам зоны деятельности германского рыболовного флота. Все крупнейшие германские водные пути были отданы под управление союзников с широкими полномочиями, большинство локального и местного бизнеса в Гамбурге, Магдебурге, Дрездене, Штеттине, Франкфурте, Бреслау передавались под управление союзников, при этом, по словам Кейнса, почти вся мощь континентальной Европы находилась в Комитете по охране водных ресурсов Темзы или Лондонского порта¹⁰⁷. И это была еще только часть всех требований и претензий победителей. «Что за пример бесчувственной жадности самообмана, – восклицал Кейнс, – после конфискации всего ликвидного богатства требовать от Германии еще и непосильных для нее платежей в будущем...»¹⁰⁸.

Репарации объявлялись первоочередной статьей расходования внутренних ресурсов Германии. Союзная комиссия по обеспечению репарационных выплат была «уполномочена осуществлять управление налоговой системой... и внутренним потреблением Германии, а также влиять на экономику Германии путем решения вопросов поставок оборудования, скота и т. д., а также определяя график отгрузки угля»¹⁰⁹. Ст. 241 по сути окончательно превращала Германию в колонию: «Германия обязуется принимать, издавать и осуществлять исполнение любых законов, приказов и декретов, которые необходимы для полного исполнения настоящих положений»¹¹⁰. Чтобы у немцев не возникало иллюзий, ст. 429–430 предусматривали прямую оккупацию войсками союзников германских территорий, в случае: «если... Комиссия по репара-

циям найдет, что Германия полностью или частично отказывается от своих обязательств по настоящему договору...»¹¹¹.

«Таким образом, – приходила к выводу Германская финансовая комиссия, – германская демократия уничтожается в тот самый момент, когда немецкий народ собрался установить ее после жестокой борьбы – уничтожается теми самыми людьми, которые в течение войны без устали утверждали, что собираются принести нам демократию... Германия больше не народ и не государство, она остается лишь торговым вопросом, отданным кредиторами в руки управляющих... Комиссия, штаб-квартира которой будет расположена за пределами Германии, будет иметь неизмеримо большие права, чем когда-либо имел германский император, под ее властью немецкий народ на десятилетия будет лишен всех прав в гораздо большей степени, чем любой народ в эпоху абсолютизма...»¹¹².

Американские представители на конференции Бэйкер и Сид обвинили англичан и французов в «жадности» и пеняли на Хауза, который дает «жадным все, чего они требуют»¹¹³. Однако «жадность» европейских союзников отчасти объяснялась претензиями самих американцев: европейцы соглашались снизить требования по репарациям, в обмен на пропорциональное снижение их долгов перед Соединенными Штатами⁵. Однако Вашингтон свои военные кредиты союзникам, к союзническим военным расходам не относил, и требовал покрытия по ним в полном объеме, вместе с процентами⁶. «Ни одна встреча в верхах по поводу репараций, – отмечал этот факт Л. Холтфрерих, – не обходилась без единодушного обращения к американским представителям с мольбой о списании внутрисоюзнических долгов. Но каждая такая просьба встречала... отказ США»¹¹⁴.

Кейнс предложил осуществлять выплату долгов через специальные бонны, которыми бы расплачивалась Германия, а получившие их союзники – с США, передавая им право на взыскание долга прямо у Германии, из ее репараций¹¹⁵. В ответ Казначейство США в категоричной форме отказалось даже обсуждать связь между долгами и репарациями. Долг должен быть выплачен и все¹¹⁶. Таким образом, европейцам самим предстояло взыскивать репарации с Германии.

Хауз отрицал распространение союзнических обязательств на свою страну: «Все свидетельствует о том, что союзники все больше утверждают в своем намерении не возвращать нам денег, которые мы дали им взаймы. И во Франции и в Англии приходится слышать доводы, что мы должны полностью уплатить свою долю в общем военном долге союзников, что мы должны были вступить в войну гораздо раньше, и что их борьба являлась также и нашей борьбой. Что касается меня, то я с этим никогда не был согласен. Я всегда считал, что Соединенные Штаты достаточно сильны, чтобы самим позаботиться о себе; мы никогда не боялись немцев, и мы бы не стали их бояться, даже если бы Франция и Англия были опрокинуты»¹¹⁷.

«Я не верю, что какой-либо из этих долгов будет выплачиваться в лучшем случае дольше нескольких лет», – заявлял в ответ Кейнс, эти военные долги «не соответствуют человеческой природе и духу эпохи»¹¹⁸. В мае 1919 г. Кейнс выдвинул план «Оздоровление европейского кредита», по которому участники войны прощали друг другу свои военные долги. Хауз тогда с тревогой писал президенту «Если мы не добьемся урегулирования расчетов..., то несомненно,

---

⁵ Сумма долгов союзников перед США составляла 10 млрд долл., что равнялось примерно 1/3 от величины германских репараций определенных Лондонским ультиматумом в мае 1921 г.

⁶ Счет по долгам «союзников» американский министр финансов представил накануне Рождества 1918 г. К 1920 г. только проценты по долгу достигли 66 млн. ф.ст. ежегодно.

что нам не удастся полностью взыскать следуемые нам долги и также несомненно, что мы навсегда станем ненавистны тем, кому мы предоставили займы»¹¹⁹.

«Не кажется ли вам... целесообразным, – продолжал Хауз, – предупредить наш народ о том, чтобы он не ожидал полной уплаты долгов Антанты? Не следует ли подать мысль, что значительная часть этих займов должна рассматриваться, как доля неизбежных наших военных расходов и не лучше ли было бы нам, а не нашим должникам, предложить урегулирование расчета? Если уже делать, то лучше, делать это с beau geste»¹²⁰. К середине 1919 г. Хауз однозначно приходил к выводу, что разоренные войной европейские страны просто физически не смогут покрыть своих долговых обязательств. Требование возврата долгов, по его мнению, привело бы их к банкротству, которое отразилась бы на кредиторах, не менее пагубно, чем на должниках¹²¹.

В поисках компромисса, в обмен на снижение репарационных претензий союзников в Германии, Хауз предложил списать часть их военных долгов Америке. При этом он подчеркивал, что делает это «не потому, что на Соединенных Штатах лежали какие-либо моральные обязательства, а просто исходя из принципа, что с деловой точки зрения долги, которые нельзя взыскать, благоразумнее списать»¹²². Была и другая причина подталкивавшая Хауза. По его словам, над европейскими странами «навис огромный долг, проценты по которому можно уплатить только с помощью чрезвычайных налогов. После войны заработная плата неизбежно должна понизиться, а налоги – повыситься. Это может привести чуть ли не к восстанию»¹²³.

Однако на мольбы европейцев Вильсон ответил отказом, заявив, что он «постоит за свою страну»¹²⁴. Мало того, США в 1922 г. принимают закон Фордни-Маккумбера поднявший таможенный тариф в 8 раз (таможенные сборы, в % от объема облагаемого пошлинами импорта, выросли с 5 до 40 %) ¹²⁵, препятствуя тем самым ввозу европейских товаров. Но только посредством продажи своих товаров на американском рынке европейцы и могли получить доллары для погашения своих долгов Соединенным Штатам¹²⁶. В результате повышения таможенных пошлин, расчетная величина европейского долга Америке автоматически возростала почти на треть.

Версальская конференция закончилась, а вопросы репарационных платежей и долгов так и остались неурегулированными. Вина за это, по мнению Хауза, лежала на лидерах Великих европейских держав: «Если бы в этот критический момент мсье Клемансо и м-р Ллойд Джордж хоть несколько больше доверяли собственным силам, то они присоединились бы к президенту Вильсону и навсегда уладили бы этот вопрос о возмещении немцами убытков», таким образом, можно было бы избежать «в значительной мере ужасных последствий длительной неустойчивости, терзавшей Европу и весь мир в результате того, что мирная конференция закончилась, оставив нерешенной проблему германских платежей»¹²⁷.

Хаузу грех было упрекать европейцев, ведь нерешенной осталась проблема и европейских долгов американцам. Хауз, в этой связи, делал оговорку, намекая, что на позицию президента повлияли «довольно влиятельные элементы американского общественного мнения», которые «откровенно выступали против вильсоновской программы. Их лейтмотивом было: «Пусть Германия заплатит за свои злодеяния»»¹²⁸. Вильсон, конкретизировал Хауз, стоял «перед лицом враждебной и влиятельной хунты в Соединенных Штатах...»¹²⁹.

Основным бедствием, порожденным версальским миром, – по мнению Хауза, – стало именно отсутствие договора об урегулировании послевоенных финансовых претензий: этот договор «предотвратил бы крах валютных систем континентальной Европы. Он помог бы избежать многолетней затяжки в урегулировании репараций, затяжки, которая имела трагические

последствия. В центрально-европейских странах бесполезно принесены были в жертву бесчисленные жизни молодежи и стариков; можно было бы избежать отчаянной нищеты среди слоев населения, имеющих твердо ограниченные доходы, ставших жертвами обесцененных валют»¹³⁰.

Основная проблема заключается в том, подтверждал в 1923 г. итальянский экс-премьер Нитти, что в результате разорения вызванного Первой мировой, «возможности государств Европы по обмену значительно сократились». И ни одна европейская страна, в том числе «Франция и Италия не в состоянии выплатить свои долги»¹³¹. Безусловное требование Соединенных Штатов по выплате военных долгов, приведет к «еще большему снижению, если не уничтожению, покупательной способности своих лучших клиентов; и это, в конечном счете, *наносит Соединенным Штатам бесконечно больший ущерб, чем отказ от всех их кредитов*»¹³².

«Наличие огромных военных долгов повсюду представляет угрозу финансовой стабильности»¹³³, – повторял Нитти, и фактически призывал к повторению примера русских большевиков: «Мы не сможем сдвинуться с места, если нам не удастся освободиться от этой бумажной цепочки. Работа по восстановлению может начаться только с аннулирования межсоюзнических долгов»¹³⁴.

* * *

Взыскание репараций началась 9 февраля 1921 г., когда *сенат США потребовал от союзников выплаты всех долгов «до последнего пенни»*. Спустя три месяца в мае 1921 г. в Лондоне союзники предъявили Германии ультиматум, потребовав немедленной выплаты 1 млрд золотых марок, как аванса в счет репараций¹³⁵. Франция отказывалась принимать репарации в виде немецких услуг или товаров. Британия в свою очередь 24.03.1921 приняла Закон о погашении репараций, обложив все ввозимые германские товары 50 % пошлиной (с 26 мая пошлина снижена до 26 %).

К 31 августа 1921 г. Германия выплатила первый миллиард репараций в золотых марках. Деньги были собраны под поручительство международной банковской сети и превращены в тысячи тонн золота и серебра¹³⁶. Продолжение выплаты репараций привело к обрушению марки: если в 01.07.1921 за доллар давали 75 марок, то 01.07.1922–400, а 02.01.1923–7200.

Причина гиперинфляции, утверждал управляющий рейхсбанком Хафенштейн, «коренится, с одной стороны, в непомерном бремени репараций и в отсутствии достаточных источников дохода для формирования сбалансированного государственного бюджета – с другой...»¹³⁷. В гиперинфляции виноват сам управляющий рейхсбанком Хафенштейн, заявлял в ответ британский посол в Берлине лорд д'Эбернон: он «отличается невежеством и упрямством... и приводит в действие печатный станок, не сознавая катастрофические последствия таких действий»¹³⁸.

«Утверждение, что эти (репарационные) выплаты сделали Германию нищей и обрекли немцев на голод, было бы гротесковым искажением фактов», – утверждал один из апостолов либерализма Л. Мизес, «инфляция... не являлась результатом Версальского договора»¹³⁹. Гиперинфляцию в Германии, по мнению Мизеса, «вызвала реализация на практике тех же этатистских идей, которые породили национализм»¹⁴⁰. Гиперинфляция, утверждали, в свою очередь, французские экономисты, была намеренно вызвана германским правительством в целях уклонения от репарационных обязательств. «Вопрос о репарациях Германии, – подтверждает

ведущий современный исследователь версальских репараций А. Ритчл, – был проблемой, не столько отсутствия платежеспособности, сколько скорее отсутствия желания платить»¹⁴¹.

Прямо противоположного мнения был итальянский экс-премьер Нитти: «Тот факт, что Франция и Италия, хотя и вышли из войны победителями, не смогли выплатить свои долги или даже проценты по ним, является доказательством того, что Германия, у которой отняли лучшие ресурсы, не сможет выплатить» тех чудовищных сумм, которые потребовали от нее на Парижской конференции¹⁴². Гиперинфляция в Германии, приходил к выводу Кейнс была вызвана «безрассудными», «порочными» требованиями победителей¹⁴³. Для «правительства Германии, – подтверждает экономический историк Г. Кларк, – не осталось других путей к финансированию своих расходов, кроме печатания денег»¹⁴⁴.

Подписавший Компьенское перемирие, и ставший министром финансов, М. Эрцбергер был сторонником самого жесткого выполнения репарационных и долговых обязательств. Он призвал затянуть пояса и «выполнить условия договора, какими бы ужасными они не были»¹⁴⁵. Правые обвинили Эрцбергера «в том, что он был финансовым агентом врагов рейха, стремившихся выжать из немецкого народа все деньги в пользу стран-победительниц»¹⁴⁶. Политика Эрцбергера невыполнима, утверждал в декабре 1919 г. лидер правых в Национальном собрании А. Гугенберг, и приведет к оккупации Рурской области уже в ближайшее время¹⁴⁷.

В конечном итоге политика Эрцбергера, подводил итог Гугенберг, поставит страну в такую зависимость от иностранного капитала, которая «вернет Германию к состоянию «средневековой деревни», у жителей которой ничего не было, кроме их труда. В такую деревню мог совсем скоро прийти иностранец, предложив крестьянам работу за мизерное вознаграждение. Эту работу жители, скорее всего, примут с благодарностью, потому что с ней иностранец приносил им еду»¹⁴⁸.

Репарации внутренние

Первопричина краха и расплавления германской экономики заключалась в военном займе.

Ж. Герман¹⁴⁹

Отличительная особенность мобилизации капитала во время Первой мировой, особенно в Германии и Франции, заключалась в том, что она осуществлялась главным образом не за счет прогрессивного повышения налогов, а за счет внутренних военных займов. Внутренние военные займы, по своей сути, представляют собой ничто иное, как внутренние репарации. Репарационный характер военных займов отражают пояснения Кейнса: «только капиталисты, а не общество в целом, станут основными владельцами выросшего государственного долга – то есть, по сути, владельцами права тратить деньги по окончании войны...»¹⁵⁰.

Финансовое состояние Германии передавал в своей первой речи на заседании Национальной ассамблеи, ставший в июне 1919 г. министром финансов М. Эрцбергер. В своем выступлении Эрцбергер отметил, что военные расходы Германии за Первую мировую составили 160 млрд марок¹⁵¹. Эти расходы были покрыты за счет: долгосрочного военного займа (die Kriegsanleihe) на сумму более 98 млрд марок; краткосрочных государственных облигаций – на 47 млрд; оставшееся за счет налогов¹⁵².

Более 90 % взносов по облигациям военного займа, на сумму около 23 млрд марок, поступило от «маленьких людей»: общее число подписчиков военного займа составило 39 млн. человек, которые на профессиональном языке относятся к «неквалифицированным инвесторам», т. е.

к тем, чье решение об инвестициях основывается не столько на расчете, сколько на чувствах или эмоциях (в случае военных займов, возбужденных патриотической пропагандой).

Имущие классы, подходят к инвестициям осознано, не случайно их относят к «квалифицированным инвесторам», для них вложения являются обдуманными инвестициями с целью получения прибыли. На долю этих инвесторов, давших оставшиеся 10 % взносов, приходилось 75 млрд марок, не говоря о краткосрочных заимствованиях. 5 % подписчиков обеспечили поступление более половины всей суммы займа¹⁵³. Для «квалифицированных инвесторов» война является, прежде всего, чистым бизнесом. По окончании войны, в случае победы, покрытие этих долгов ложилось на проигравших, а в случае поражения, на собственную разоренную войной нацию, в том числе и на семьи солдат погибших и покалеченных на войне. Таким образом, инвесторы войны в любом случае выходили из нее с прибылью.

Внутренний долг является частной собственностью, которая согласно международному праву, даже несмотря на ответственность его держателей за войну, является священной. Этот пункт в правилах ведения войны был утвержден Гаагской мирной конференцией 1899 г., которая провозглашала: «если в результате боевых действий одна из воюющих сторон занимает территорию противника, она при этом не получает права распоряжаться собственностью на этой территории...».

И союзники в Версале оставили нетронутым собственность правящего класса и германский военный долг. Сохранив, таким образом, как отмечал в 1920 г. видный американский экономист Т. Веблен, в неприкосновенности правящий класс Германии – хранителя реакции «чья вина в развязывании войны не подлежит никакому сомнению»¹⁵⁴. Единственно, что было зафиксировано в мирном договоре, так это то, что «Германия может уплатить проценты по своему внутреннему долгу только после того, как она удовлетворит требования союзников»¹⁵⁵.

Величина этого внутреннего военного долга Германии составляла 141 % ВВП¹⁵⁶, для сравнения: оплачиваемая часть внешних репараций (A+B bonds) составляла – 99 % ВВП¹⁵⁷. (Облигации категории «С» внешних репараций, которые составляли 152 % ВВП, являлись более гипотетическим бременем, возложенным на Германию для того, чтобы угодить общественному мнению стран победителей и иметь гарантию от энергичного экономического подъема бывшего врага¹⁵⁸.) Веблен рекомендовал Германии безусловное списание государственного долга в целом, а вырученные деньги предлагал направить на восстановление экономики¹⁵⁹. Проблема внутреннего военного долга, как указывал Кейнс, могла быть решена и «за счет послевоенных сборов с капитала»¹⁶⁰.

Именно эту меру и попытался осуществить Эрцбергер, за счет перераспределения налоговой нагрузки на наиболее состоятельные круги общества. Политика социализации национальной экономики, строилась Эрцбергером, на введении «справедливых налогов», которые были бы способны ликвидировать былое «различие между имущими и неимущими», «богатыми и бедными»¹⁶¹. Эрцбергер связывал эти меры с мобилизационной политикой военного времени, когда «военная машина» подчинила себе доходы, труд и гражданские свободы, прикрываясь лозунгами о «национальном долге»¹⁶².

Налоги Эрцбергера: двойной налог на военные прибыли (на собственность и доход); большой налог на наследство; налог на роскошь (на потребление) и главный сбор – Reichsnotopfer («пожертвования на экстренные нужды рейха»)⁷. Особой критике подвергся

---

⁷ Налоговые выплаты могли покрываться векселями военного займа.

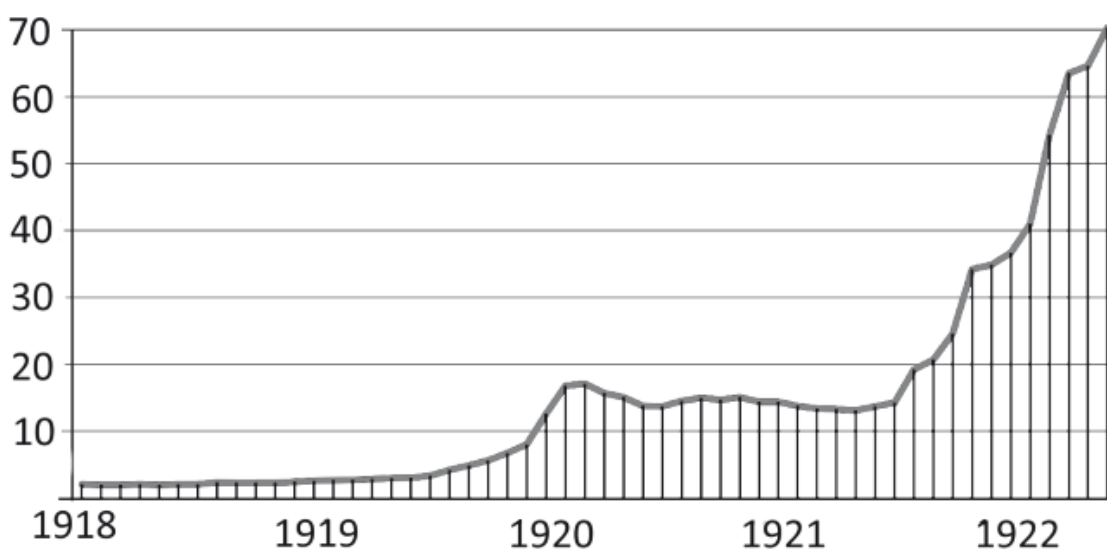
именно последний налог – Reichsnotopfer, которым по ставке от 10 до 65 % должны были облагаться материальные и реальные активы, банковские счета, дебиторские задолженности, ценные бумаги, акции, облигации, оборудование и недвижимость¹⁶³. Введение этого налога обосновывалась необходимостью выплаты военной контрибуции.

Благодаря этим налогам, по подсчетам Эрцбергера поступления в казну «должны были вырасти на 90 %...»¹⁶⁴. Правые доказывали, что такие налоги невозможно выплатить без разорения частных собственников. Даже социал-демократ Носке, как и Гугенберг, приходил к выводу, что социализация Эрцбергера, по своей сути, приводит к национализации крупного капитала, посредством налогов¹⁶⁵. Эрцбергер отвечал, что чрезвычайный налог выплачивается не сразу, «у всех на это есть 30 лет, у фермеров – 50 лет. Эти долги будут в бухгалтерских книгах, но фактически останутся в хозяйстве...»¹⁶⁶.

Ответом на «свирепые» налоги Эрцбергера¹⁶⁷ стало бегство капиталов из Германии. По данным газеты «Neue Zürcher Zeitung» к концу 1919 г. из страны «сбежало» 3,5 млрд. марок¹⁶⁸. Эрцбергеру ничего не оставалось, как подкреплять свои налоговые законы, подзаконными актами, призванными блокировать бегство капиталов¹⁶⁹.

В конечном счете, у правительств Веймарской республики, подводил итог этой борьбе видный американский историк Х. Джеймс, «не хватило власти для того, чтобы ввести более высокие налоги на немецкие элиты. Землевладельцы протестовали, заявляя, что любые [такие] налоги есть не что иное, как большевизм; а промышленники угрожали банкротствами, если налоги будут повышены. В результате налоги были низкими, и дефицит государственного бюджета увеличивался»¹⁷⁰.

В период между первыми кварталами 1919–1920 гг. покрытие дефицита бюджета осуществлялось за счет эмиссии марки. На выплаты шло до 30 % общих расходов рейха (или 60 % всех денег (наличными и в чеках), созданных в Германии за это время)¹⁷¹. В результате эмиссионного финансирования и бегства капиталов, стоимость бумажной марки, с июня по декабрь 1919 г. упала с 1/3 до ~1/10, а к марту до ~1/20, по отношению к золотой марке 1913 года. Вместе с этим происходило и обесценивание внутреннего долга, что фактически означало национализацию, вложенного в него, частного капитала.

Гр. 1. Индекс оптовых цен в Германии¹⁷²

Один из столпов консерватизма, бывший имперский вице-канцлер и министр финансов в годы войны К. Гельфрейх обвинил Эрцбергера в коррупции, обмане и незаконном вмешательстве в политику и в дела частного бизнеса, оформив свои обвинения в виде брошюры «Долой Эрцбергера». Правые и нацистские газеты пылко поддержали обвинения, левые молчали. Лидер немецких националистов Гугенберг назвал «социальные мероприятия» «предателя Эрцбергера» «экспроприацией среднего класса»¹⁷³.

Эрцбергер выдвинул встречное обвинение в клевете. Судебный процесс начался в январе 1920 г. В это время на Эрцбергера было совершено первое покушение, однако на этот раз ему повезло, и министр отделался легким ранением. Суду не удалось обнаружить никакого криминала в действиях Эрцбергера, Гельфрейх был найден «виновным в клевете и предъявлении фальшивых обвинений», незначительность штрафа, который ему был назначен, судьи объяснили тем, что «Гельфрейх сумел доказать истинность своих обвинений». Т. е. обвинения Гельфрейха были признаны небеспопытными, но лишь чрезмерными. Эрцбергер в свою очередь был вынужден уйти в отставку¹⁷⁴.

Суд вынес свой вердикт 12 марта 1920 г., на следующий день начался мятеж Каппа-Лютвица. К 1921 г. правые заблокировали в рейхстаге все законопроекты Эрцбергера¹⁷⁵. Сам Эрцбергер был убит в августе 1921 г.

С марта 1920 по июнь 1921 гг. уровень инфляции в Германии был близок к нулевому (Гр. 1), несмотря на 15 % дефицит госбюджета. Правительство покрывало большую часть дефицита за счет выпуска 5 %-ных долговых обязательств, которые считались «надежными» и активно приобретались иностранцами. Так, только в период между 1919 и 1921 гг. иностранцы приобрели более 40 % немецкой ликвидности (наличности и банковских чеков)¹⁷⁶. В существовавших условиях, эти долговые обязательства являлись ничем иным, как одним из инструментов отсроченной инфляции.

Достаточно было только одного внешнего толчка, что бы прорвать плотину, сдерживавшую все нарастающую ее лавину. Этим толчком стало начало выплаты репараций, с которой началось массовое обналичивание ценных бумаг¹⁷⁷. Именно эти выплаты, а «не (внешние) репарации, – приходил к выводу Препарата, – обусловили германский финансовый крах, они лишь ускорили его наступление. За период с 1919-го по 1922 год Германия уплатила в качестве репараций всего около 10 % своего дохода»¹⁷⁸.

С началом гиперинфляции, наступил второй акт драмы: «При помощи продолжительной инфляции, – пояснял Кейнс, – власти могут незаметным образом конфисковывать значительную часть богатств своих граждан. Таким образом, они проводят не просто конфискацию, но конфискацию как произвол, и в то время как одних этот процесс ведет к обнищанию, другие обогащаются... Нет более тонкого и более верного пути разрушения основ общества, чем обесценивание валюты. В этот процесс вовлекаются все скрытые разрушительные экономические силы, и его не распознает и один из миллиона»¹⁷⁹.

Рост цен, «по сути, – пояснял Кейнс, – означает передачу заработка потребителей в руки класса капиталистов»¹⁸⁰. Здесь Кейнс фактически повторял французского министра финансов Ж. Неккера, который за полтора века до Кейнса отмечал, что инфляция, ведет к перераспределению народного богатства в пользу наиболее состоятельных сословий и по сути является «налогом на бедных».

Американский журналист и историк У. Ширер считал, что гиперинфляция в Германии 1922–1923 гг. была вызвана именно в интересах крупного бизнеса: «правительство, подстегиваемое крупными промышленниками и землевладельцами, которые лишь выигрывали от того, что народные массы терпели финансовый крах, умышленно шло на понижение марки»¹⁸¹. Э. Генри в этой связи приводил пример короля Рура Г. Стиннеса, который больше всех зарабо-

тал на войне и теперь сознательно провоцировал инфляцию: «Он тем самым секвестрировал в свою пользу большую часть национального дохода Германии в обмен на кучу бесполезных бумажек»¹⁸².

Частные интересы крупного капитала тут не были доминирующими, отвечал стальной магнат Ф. Тиссен, они являлись лишь следствием проводимой политики: «капитал, необходимый немецким промышленным предприятиям, можно было сколотить на кредитах Рейхсбанка. Действительно, немецкая промышленность работала бесперебойно, поскольку – из-за девальвации германской валюты – могла выбрасывать свою продукцию на мировой рынок по низким ценам. Эта процедура нашла поддержку у доктора Хавенштайна, президента немецкого Рейхсбанка. Он прекрасно сознавал, что таким образом ценность марки будет постоянно снижаться, но считал это наилучшим способом доказать миру неспособность Германии выплачивать военные репарации. Многие промышленники воспользовались этой возможностью, учитывая колоссальные переводные векселя в Рейхсбанке и выплачивая их все более и более девальвирующимися банкнотами»¹⁸³.

Механизм в данном случае заключался в следующем: Рейхсбанк принимал векселя от частных предприятий с дисконтом 5 % годовых вплоть до середины 1922 г., когда инфляция достигла 100 % в месяц. Затем дисконт неоднократно поднимался, но все равно он был значительно ниже уровня инфляции. Так, к сентябрю 1923 г. дисконт составлял 90 % годовых, а инфляция была в 10 раз выше. Политика Рейхсбанка привела к тому, что банковский кредит для предприятий был практически бесплатным, а номинальная денежная масса раздувалась еще больше¹⁸⁴. Крупный немецкий бизнес неплохо зарабатывал на «инфляционной спекуляции» – коротких кредитах, которые он брал в центральном банке под расширение и модификацию производства, а затем возвращал его обесцененными деньгами. Этими же деньгами платили по своим закладным и крупные сельхозпроизводители¹⁸⁵.

Свой капитал магнаты сохраняли переводом его за границу: «спекулянты оплачивали товары внутри страны обесцененными деньгами, а за границей получали за них твердую иностранную валюту... С 1919 по 1923 г. крупные капиталисты вывезли за границу 12 млрд. золотых марок»¹⁸⁶, что составляло примерно треть ВВП Германии в 1923 г. Самым крупным реципиентом германских капиталов, после США, как отмечает Препарата, была Голландия⁸: «Из Голландии восстановленные там корпорации путем слияния приобретали в Германии обанкротившиеся концерны, которые использовались для сокрытия доходных зарубежных предприятий...»¹⁸⁷.

Бегство капиталов оказало «огромное давление на обменную стоимость марки», стимулируя рост гиперинфляции, поскольку теперь, как отмечает Препарата, именно зарубежный курс марки стал определять цены в Германии. «Только после того, как марка теряла стоимость за границей, происходил рост цен в самой Германии, что и дало повод Хафенштейну обвинить репарационные платежи в таком обесценивании германской валюты... Однако, – приходит к выводу Препарата, – внешнее обесценивание было в действительности обусловлено бегством капитала и только во вторую очередь – требованиями Версальского договора»¹⁸⁸.

В 1941 г. Гитлер так подытожил обратную сторону инфляционной динамики: «Инфляцию можно было преодолеть. Решающим здесь был вопрос о военном займе: другими словами, выплата ежегодно 10 млрд по процентам при долге 166 млрд... Я бы вынудил лиц, нажившихся на войне, заплатить звонкой государственной монетой за различные ценные бумаги, которые я бы заморозил на двадцать, тридцать или сорок лет...»¹⁸⁹.

---

⁸ А также банки Швейцарии, Норвегии, Швеции, Дании и Испании...

* * *

«Легковерие, с которым относятся к басням о «германском заговоре», имеющем целью обесценивание марки свидетельствует, – указывал на свою версию причин гиперинфляции Кейнс, – лишь о беспредельном невежестве публики...»¹⁹⁰. Обесценивание марки, пояснял Нитти, приводит «к высоким обменным курсам, что в случае с Германией, равносильно разорению, поскольку делает практически невозможным закупку сырья, в котором нуждается Германия»¹⁹¹.

Решающую роль в обрушении марки, по мнению Кейнса, сыграли предварительные платежи, которые были умышленно предусмотрены в Версальском договоре, для того, чтобы Германия не смогла осуществить выплаты по репарациям: «Эффект этого положения в сторону увеличения бремени, исходя из предположения, что Германия не может выплатить очень большие суммы поначалу, огромен»¹⁹².

О размере этих предварительных платежей говорил тот факт, что «в течение трех лет, предшествовавших Рурской оккупации, Германия уплатила союзникам наличностью и в виде поставок свыше 10 млрд зол. марок... Это, – подтверждал Ллойд Джордж, – весьма значительные усилия для страны, которая только, что вышла из разорительной войны, и чья торговля упала до 60–70 % нормы»¹⁹³; «Включая расходы на содержание оккупационной армии и уже понесенные платежи по репарациям, Германия уплатила союзникам до сегодняшнего дня (к январю 1923 года) тройную контрибуцию, взысканную Бисмарком с Франции в 1872 г.»¹⁹⁴.

Французские репарации

*Английская политика стремилась к равновесию на континенте,
Франция – к доминированию.
Ж. Моне¹⁹⁵*

Уход Америки с Версальской конференции Ллойд Джордж расценивал, как катастрофу: председательское место в комиссии по репарациям заняла Франция и «уже не могло быть и речи о рассудительности и умеренности... Отпадение Америки, таким образом, погубило весь план репараций»¹⁹⁶.

«Французы ничего не уступят, если их к этому не принудить...», – указывал на главную проблему Ллойд Джордж, – ненависть французов к немцам совершенно невообразима... Это свирепая ненависть...»¹⁹⁷. Франция, подтверждал Нитти, «ненавидела Германию слишком глубоко, чтобы сделать возможным внезапное прекращение ее бури ненависти, и договоры были порождены злобой и применялись с насилием»¹⁹⁸. «Ни один серьезный человек никогда не думал, что Германия сможет заплатить эти репарации», но «основная цель французских договоров, – приходил к выводу Нитти, – состояла в том, чтобы сломить Германию, расчленив и задушить ее»¹⁹⁹.

Наиболее ярким выразителем интересов Франции Ллойд Джордж считал ее министра финансов Клоца, который, по его словам, «принадлежал к тому типу жестоких и безжалостных людей, которые, когда дело касалось денег, не способны думать ни о чем другом, кроме чистогана. Его несколько не волновала перспектива новых страданий, новой ненависти, воскресенных старых обид, новых ссор и всеобщего беспокойства, которые возникнут в Европе по мере того, как мы будем вымогать у Германии все, вплоть до последнего пенса»²⁰⁰.

Президент Франции Р. Пуанкаре, в ответ на попытки заместителя ген. секретаря Лиги Наций Ж. Монне урегулировать проблему репараций, в свою очередь пояснял: пределы немецкого долга никогда не будут зафиксированы: «немецкий долг дело политическое, и я намерен пользоваться им как средством давления»²⁰¹. Возможность для этого давала одна из статей Версальского договора, в которой указывалось, что в случае задержки Германией выплаты репараций союзники получали диктаторские полномочия в отношении любой германской собственности, где бы она не находилась, когда бы она не была создана или приобретена (до подписания договора или после)²⁰².

Условия для применения этой статьи складывались благоприятно: вследствие экономического хаоса в Германии, к маю 1921 г., ею было выплачено всего 8 из 20 млрд марок, установленных предварительных платежей. В ответ «державы Антанты... направляли Германии многочисленные требования и ультиматумы в отношении этих выплат»²⁰³. Французские войска несколько раз входили на неоккупированные территории Германии. В марте 1921 г. они оккупировали города Дуйсбург и Дюссельдорф, находившиеся в Рейнской демилитаризованной зоне, тем самым обеспечив себе плацдарм для дальнейшей оккупации всего промышленного района в Рейнланд-Вестфалии.

Выплата первого транша репараций в 1921 г. окончательно подорвала платежеспособность Германии. В июле 1922 г. Германия потребовала моратория на выплату всех наличных платежей на 30 месяцев, Франция ответила согласием, при условии предоставления ей «продуктивных гарантий». Для введения залоговой статьи договора в действие нужен был только повод. Р. Пуанкаре нашел его 26 декабря 1922 г., когда, на совещании комиссии по репарациям в Лондоне, он обвинил Германию в задержке поставки телеграфных столбов и угля. Англия, на созванной в начале 1923 г. Парижской репарационной конференции, предложила уменьшить размер репараций до 50 млрд марок и предоставить Германии мораторий (отсрочку платежей) на четыре года, Франция выступила с решительными возражениями, и конференция была сорвана²⁰⁴.

9 января 1923 г. Франция, поддержанная Бельгией и Италией, официально обвинила Германию в дефолте по обязательствам. Два дня спустя 17 000 французских и бельгийских солдат в сопровождении группы горных инженеров вступили в Рур. Оккупированная область не превышала 60 миль в длину и 30–в ширину, но на этой территории проживали 10 % населения Германии, производилось 80 % немецкого угля, чугуна и стали, осуществлялось 70 % грузовых перевозок..., в этом районе была самая густая железнодорожная сеть в мире²⁰⁵.

Французы ультимативно потребовали от предприятий Рура «дани» на 20 % большей, а за отказ угрожали военным судом. Ответом стало прекращение Германией выплаты всех репараций, призыв Берлина к всеобщей забастовке в регионе и к «пассивному сопротивлению»: добыча угля и работа предприятий не прекращались, но железнодорожники и рейнские водники парализовали транспортную сеть, и прекратили вывоз сырья во Францию. Промышленники Рура Стиннес, Кирдорф, Тиссен и Крупп, в виде компенсации за проведение «пассивного сопротивления», получили от государства 360 млн. золотых марок на заработную плату горнорабочим, 250 млн. – в возмещение материальных затрат и 700 млн. – за «недополученную прибыль»²⁰⁶.

Французы и бельгийцы в ответ вызвали своих железнодорожников, но сопротивление нарастало, заводы останавливались. Французы дополнительно воспользовались услугами... поляков, которые тут же призвали военнообязанных и направили их в Германию для обслуживания Рурской промышленности и транспорта.

В «конце марта французские войска расстреляли из пулеметов демонстрацию рабочих на территории завода Круппа в Эссене – тринадцать убитых, тридцать раненых. В похоронах приняло участие более полумиллиона человек, французский военный суд приговорил хозяина

фирмы и восемь его служащих, занимавших руководящие посты, к 15 и 20 годам тюрьмы»²⁰⁷. «В данное время в Рура больше французских солдат, – восклицал Ллойд Джордж, – чем у Наполеона, при Ватерлоо»²⁰⁸.

Описывая отношение к оккупации Рура в Британии, Дж. Фуллер приводил слова членов британского парламента и отзывы прессы: Дж. Саймон заявил, что это по существу «акт войны». Ч. Робертс: «Роковые мероприятия, проводимые сейчас, в конечном итоге могут привести только к одному результату – новой мировой войне, которая, по моему мнению, будет означать закат цивилизации». Р. Беркли: «если и было в прошлом когда-нибудь действие, граничащее с актом войны... то приказ французского правительства об оккупации Рура является таковым». Журнал «Либерел Мэгезин»: «Перспектива новой войны через несколько лет становится все более очевидной и определенной». Ежегодник «Либерел ир бук»: «С каждым днем неизбежность европейской войны становится все более очевидной... психологическая рана нанесенная немцам, возможно настолько глубока, что не затянется до того времени, когда Германия соберется с силами и станет способной к возмездию»²⁰⁹.

Все попытки обеспечить репарационные выплаты силой не приведут к желаемому результату, указывал Ллойд Джордж: «Пока нужный для репараций уголь будет добываться при помощи штыков, а репарационный лесной материал вырубаться при помощи сабель, представляется праздным делом говорить о восстановлении германской марки путем упорядочения германских финансов»²¹⁰.

Тогда какие же цели преследует Франция, задавался вопросом Ллойд Джордж? «Целью Клемансо, – отвечал Кейнс, – было ослабление и разрушение Германии всеми возможными путями...»²¹¹. «У Франции, – подтверждал Нитти, – была только одна идея, и позже она без колебаний признала это: разрушение единства и расчленение Германии»²¹². «Возможным результатом принятой Францией политики, вероятно, – подтверждал эти подозрения Ллойд Джордж, – является распадение Германии. Я знаю, что ожидание этого присуще многим французам»²¹³.

«Если Германия распадется, то Рейнская и Рурская области останутся под властью Франции... Давние французские мечты будут осуществлены. Здание, возведенное Бисмарком, рухнуло, а достижения Наполеона восстановлены и закреплены навсегда за Францией...»²¹⁴. «Среди многих во Франции существует старая концепция Наполеона I, – подтверждал Нитти, – который рассматривал всю европейскую политику..., с точки зрения прочной французской гегемонии в Европе»²¹⁵.

Меры, предпринятые Францией, не имеют никакого отношения к убыткам, возмещаемым Германией, приходил к выводу Нитти, а лишь «приводят в исполнение весьма обширный план добиться французского контроля над добычей угля и железа континентальной Европы...»²¹⁶. И для этого есть все предпосылки, указывал Ллойд Джордж: «Гигантский трест, объединяющий Рурскую промышленность, руду Лотарингии и уголь Саара. Кроме этого французские финансисты вложили большие капиталы в приобретение угольных копей Силезии: весь «континент будет находиться во власти громадного угольного и стального треста»²¹⁷.

Этот трест сможет просто задушить Германию, отмечал Ллойд Джордж, поскольку «одним из залогов, предусмотренных Францией, является контроль над Германскими таможенными. Как может Германия сбалансировать свой бюджет без доходов? Какие сборы более доходны, чем таможенные ставки на заграничный уголь и металлические изделий? Таким обра-

зом, по французскому проекту эти предметы ввоза будут устранены с германского внутреннего рынка. В таком случае трест будет всемогущ»²¹⁸.

«Они заняты планами грабежа, и при том в громадных размерах, – приходил к выводу Ллойд Джордж, – Французская печать строит в данное время планы, идущие гораздо дальше, чем простой контроль над германской промышленностью. В этот план должны войти Италия, Польша и даже Россия... Россия должна покупать, Германия производить, а Франция получать прибыли»²¹⁹.

«Как долго согласятся Италия и Россия подвергаться эксплуатации для обогащения французских капиталистов? ..., – задавался вопросом Ллойд Джордж, – Согласятся ли германские государственные люди продать свою страну в политическое и экономическое рабство на неопределенный срок? Это невероятно... Рурская оккупация пробудила германский патриотизм от столбняка...»²²⁰. «Навязанные французами условия будут постоянным источником трений, а методы, применённые чтобы заставить немцев исполнять их, вызовут дух патриотического гнева. Это, в конце концов, приведет к гибели сегодняшнего победителя»²²¹.

«В Германии все классы объединены мыслью о сопротивлении, – отмечал Ллойд Джордж, – Национальная гордость делает их выносливыми и склонными к самопожертвованию»²²². «Неизвестно, что произойдет, когда храбрый народ в 60 млн. очутится лицом к лицу с разорением. Пойдет ли он налево или направо – будет зависеть от личностей его предводителей... В случае коммунистической революции в Германии, она может заразить всю Европу... Многим ли лучше окажется реакционная Германия, замышляющая и подготавливающая месть за прошлое?»²²³.

* * *

Совокупность внешних, внутренних и французских репараций стала причиной гиперинфляции в Германии: уже к марту 1923 г. доллар стоил 21 тысячу марок, к 1 июля 160 тыс., к 1 августа – 1 млн., к сентябрю 110 млн., к декабрю – более 4-х млрд!⁹ Меры, предпринимаемые немецким правительством, по обузданию инфляции не поспевали за нею. Так, несмотря на то, что налог на заработную плату взимался за 2 недели, а налог на продажу ежемесячно, инфляция все равно их съедала. К ноябрю 1923 г., налоговые сборы покрывали только 1 % государственных расходов, рейхсбанк потерял половину своего золотого запаса, а его управляющий Хафенштейн умер от сердечного приступа²²⁴.

---

⁹ 15 ноября 1923 г. Рейхсбанк выпустил денег на сумму 92,8 квинтильона марок. Фунт масла тогда стоил 6 триллионов марок, одно яйцо – 80 млрд марок.

Гр. 2. Курс бумажной марки по отношению к доллару²²⁵

Гиперинфляция привела к резкому снижению заработной платы. Если до войны лучше германского рабочего оплачивался только американский, то в апреле 1922 г., как подсчитал английский статистик Дж. Гилтон: чтобы купить один и тот же набор продуктов, американскому каменщику нужно было работать один час, английскому – три, французскому – пять, бельгийскому – шесть, а немецкому – семь часов с четвертью. По отношению к 1913 г. реальная заработная плата в апреле 1922 г. составляла – 72 %, в октябре – 55 %, в июне 1923 – 48 %²²⁶.

Но даже эта динамика не отражала всего драматизма ситуации: размер инфляции был таков, что на заработок, который рабочие приносили домой вечером, их женам на утро уже нечего было купить. Немцев спасал только дешевый хлеб (который до 23.06.1923 добывался по разверстке) и высокая урожайность хорошо поставленного сельского хозяйства¹⁰. Но Германия, все же, голодала²²⁷. «Этот безумный год сегодня уже почти забыт, но, – как отмечает С. Хаффшер, – это был самый тяжелый год из всех тяжелых лет, выпавших на долю Германии в первой половине столетия»²²⁸.

Гиперинфляция подрывали не только экономику государства, указывал Ф. Папен, но и дух нации: «В течение всего периода выплаты репараций, в результате обесценивания денег, «экономический пессимизм» приобрел характер эпидемии»²²⁹. Экономический кризис привел к росту рабочего движения. «Чтобы рабочие не сожгли заводы, промышленникам и муниципалитетам, – по словам Тиссена, – пришлось создать чрезвычайную валюту на фиктивном золотом базисе»²³⁰.

Но наиболее пострадавшим оказался средний класс. И Германия не была здесь исключением: самые серьезные социальные последствия Первой мировой, заключались в том, отмечал американский историк К. Квигли, что «средний класс Европы с его банковскими сбережениями, чековыми вкладами, ипотекой, страхованием и облигациями был классом кредиторов, он пострадал и даже был разорен расходами военного времени..., инфляция зашла так далеко,

¹⁰ Немецкий бауэр, даже после изнурительной войны, получал с гектара в полтора раза больше пшеницы, чем канадец, и в два с половиной раза больше, чем американский фермер.

что средние классы были в значительной степени уничтожены, а их представители были доведены до отчаяния или, по крайней мере, до почти психопатической ненависти к форме правления или социальному классу, который, по их мнению, был ответственен за их бедственное положение»²³¹.

В Германии эти последствия мировой войны, отягощенные репарациями, проявились лишь в наибольшей степени, и фактически привели к уничтожению остатков среднего класса. Именно представители этого бывшего среднего класса, стремящиеся вернуться в свое прежнее состояние, стали основным радикализующим общественным фактором: «Крайне сомнительно, – приходил к выводу, подводя итог истории 1923 года, американский банкир, финансовый советник Ф. Рузвельта Дж. П. Варбург, – чтобы Гитлер когда-либо пришел к власти в Германии, если бы перед этим обесценивание немецких денег не уничтожило средний класс»²³². «Уничтожение преуспевающего среднего класса, – подтверждал Ф. Нойман, – обернулось самым сильным стимулом для агрессивного империализма»²³³.

Характеризуя ситуацию в стране 12 сентября 1923 г. на заседании парламентской фракции Народной партии, Стиннес предупреждал: «Через две недели у нас будет гражданская война...»²³⁴. В сентябре 1923 г. в памфлете «Диктатура или парламент», будущий канцлер Ф. Папен указывал, что Германия находится на грани полного крушения и что спасение не придет от механического применения парламентских методов или бесплодного столкновения застывших партийных доктрин²³⁵. Папен призывал командующего сухопутными войсками ген. Секта «возглавить новое правительство в качестве единственного человека, способного исправить положение». Но Сект, после того, как Эберт вручил ему неограниченные административные полномочия, противился, как установлению военной диктатуры так и предложению стать канцлером²³⁶. Ситуация явно выходила из под контроля...

8 ноября 1923 г. в Мюнхене произошел «пивной путч» – первое серьезное выступление национал-социалистов. Одновременно в Саксонии и Тюрингии произошли коммунистические восстания. В Гамбурге – уличные столкновения рабочих с войсками и полицией. Финансовая система страны была практически уничтожена.

Кейнс не видел для Германии выхода из сложившегося положения: «Во всяком случае, перспективы для Германии являются малоотрадными. Если теперешнее обесценивание марки окажется длительным явлением и уровень внутренних цен придет с ним в равновесие, то перераспределение богатств между различными классами общества может принять размеры социальной катастрофы. Но, с другой стороны, если курс марки улучшится, то исчезновение имеющегося сейчас искусственного стимула для промышленной жизни и прекращение подъема на бирже, связанного с обесцениванием марки, может привести к финансовой катастрофе»²³⁷.

Американские репарации

Это был период «немецкой кредитной и потребительской Бонанзы (золотого процветания) 1920-х годов».

*А. Ритчл*²³⁸

Гиперинфляция «очистила» рейх от вериг военного займа, в ноябре 1923 г. он номинально стоил один доллар двадцать три цента²³⁹, но в той же пропорции инфляция уничтожила и все накопленные капиталы. Продолжение политики гиперинфляции уже само по себе было финансовой катастрофой, поскольку вело к полному разорению государства. Выход из гиперинфляционной спирали становился для Германии вопросом жизни и смерти.

Победа над инфляцией в Германии вошла в историю, как «чудо» уполномоченного по национальной валюте Я. Шахта. Первым делом необходимо было стабилизировать марку, для

этого в ноябре 1923 года Шахт ввел временную рентную марку, привязанную через ипотеку к земельной собственности и недвижимости, и имевшую твердый курс к доллару. «20 ноября, – отмечал Шахт, – можно считать вехой в истории стабилизации марки...»²⁴⁰.

Вторая «веха» чуда Шахта основывалась на восстановлении кредита, что было достигнуто при поддержке англо-американских займов, которые Германия получила в ноябре 1923 г., а в декабре был подписан американо-германский торговый договор. Тем самым Шахт совершил, то, что чего не смог добиться даже ценой своей жизни его предшественник на посту управляющего центральным банком Германии Хафенштейн – Шахт получил иностранные кредиты. В чем же крылся секрет Шахта?

По словам Препарата, ответ крылся в представленном Шахтом, по предложению американского уполномоченного Дж. Даллеса, «решении проблемы репараций» согласно которому, союзники, вместо того чтобы одалживать деньги Веймарскому правительству, будут кредитовать напрямую несколько огромных конгломератов (картелей), специально созданных для этой цели. Картели наделялись эксклюзивными экспортными лицензиями, чтобы иметь возможность генерировать валюту, для покрытия кредитов. Предложение Шахта привело Даллеса в полный восторг²⁴¹.

Секрет третьей «вехи» чуда Шахта крылся в прямой, и непосредственной заинтересованности союзников в продолжении выплаты репараций и союзнических долгов. Именно в этих целях они постарались вывести Францию из Рура. Международные банкиры, поясняет С. Шукер, не желали ссужать деньги Германия, до тех пор, пока она «не избавится от той пагубной комбинации финансовой неопределенности и дестабилизирующей военной угрозы», которую создавала франко-бельгийская оккупация Рура²⁴².

И Францию, до этого главного сборщика репараций, – по словам Дж. Алви, – изящно вывели из игры спекулятивной атакой против франка, проведенной «Морган и К°», приведшей к обвалу французской валюты²⁴³. На выручку Франции пришел все тот же «Морган и К°» предложивший ей кредит в 100 млн. долларов на шесть месяцев под залог французского золота²⁴⁴. Итог сделки в конце апреля подвел в своем дневнике посол США в Берлине А. Хьютон: «Англия и Америка взяли франк под контроль и, видимо, могут теперь делать с ним все, что захотят»²⁴⁵. Главную скрипку в данной партии, по мнению К. Квигли, играл управляющий английским банком М. Норман²⁴⁶.

«Морган и К°» поставил условием, возобновления своего 100 млн. займа, проведение Францией «миролюбивой внешней политики». По словам Препарата, «это означало, что Франции придется согласиться на: 1) отказ от полноценного участия в работе Комиссии по репарациям; 2) передачу всех своих полномочий генеральному Агенту (главному представителю) по репарациям, которым вскоре стал П. Гилберт, старый бюрократ из американского казначейства, нашедший впоследствии свою лучшую долю под крылышком «Морган и К°»; и 3) немедленный вывод войск из Рура»²⁴⁷.

Реакцию французов передавал один из участников Лондонской конференции 1924 г., на которой рассматривались эти вопросы. «В Лондоне, – отмечал он, – на минуту приподнялся занавес, обычно скрывающий сцену от взоров народа. И мы увидели на ней «деус экс махина» современной политики, подлинного хозяина демократий, считающихся суверенными: финансиста, денежного туза»²⁴⁸. «Я лишний раз убедился в том, – писал в те дни премьер-министр Франции Э. Эррио, – как в трагические минуты власть денег

торжествует над республиканскими принципами. В государстве, являющемся должником, демократическое правительство – раб»²⁴⁹.

Четвертая «веха» чуда Шахта опиралась на стабилизацию бюджета. Именно на решение этой задачи было нацелено новое правительство католического «Центра» В. Маркса, пришедшее к власти в конце 1923 г. В целях балансировки бюджета в декабре 1923 г. были введены прогрессивные налоги на доходы и богатство (от подоходного налога освобождались лица с низкими доходами (до 600 марок), средние доходы облагались по ставке 10 %, максимальная ставка доходила до 40 %. Прогрессия налога на богатство составляла от 0,5 % до 5 %). Кроме того, в феврале 1924 г. правительство приняло решение, по которому получение кредитов в период гиперинфляции приравнивалось к получению прибыли, которая теперь была обложена соответствующими налогами²⁵⁰.

Недовольство этими мерами имущих классов привело к успеху на парламентских выборах мая 1924 г. радикальных партий, в результате коалиционное правительство В. Маркса могло опереться на поддержку только трети депутатов²⁵¹. В. Маркс настоял на роспуске парламента и проведении досрочных выборов. И хотя на выборах в декабре 1924 г. левые партии Веймарской коалиции получили большее количество голосов избирателей и мест в парламенте, чем прежде, сформировано было не левое, а правое правительство Веймарской коалиции, во главе с Х. Лютером. Однако на отмену налоговых законов правительства В. Маркса, оно не пошло, поскольку других вариантов, для того чтобы сбалансировать бюджет, просто не существовало.

Но даже всех этих «чудес» было недостаточно, поскольку стабилизация бюджета и укрепление марки сами по себе не могли дать разоренной экономике необходимый для ее восстановления Капитал. И начиная со стабилизации марки в апреле, германский кредит встал. Шахт распределял банкноты только благополучным концернам, предоставив неблагополучным обанкротиться: весной 1924 г. число банкротств возросло на 450 %²⁵². Прекращение кредита, Kreditstopp, по мнению американского экономического историка Т. Балдерстона, стало решающим фактором, открывшим «дверь интернационализации немецкой денежной системы» – недостаток собственного национального Капитала должны были покрыть иностранные займы²⁵³.

План Дауэрса

На помощь вновь пришли американцы: от окончательного банкротства Германию спас «План Даурса». В его основе лежало предоставление Англией и Соединенными Штатами кредитов Германии для восстановления промышленности, доходы от которой должны были пойти на уплату репараций Англии и Франции. Получив их, Лондон и Париж в свою очередь должны были покрыть свои долговые обязательства перед Вашингтоном. План Дауэрса был принят рейхстагом в августе 1924 г. Согласно плану, Германии был открыт иностранный золотой кредит в 800 млн. марок²⁵⁴. Кредит предназначался для «покрытия» эмиссии новой рейхсмарки, восстанавливающей ее золотой паритет на довоенном уровне²⁵⁵.

Для обеспечения кредитов, все железные дороги Германии были объединены в единую компанию под руководством американского управляющего. Вся прибыль от их эксплуатации шла на покрытие американских кредитов. Кроме этого кредиты обеспечивались залогом ценных бумаг некоторых немецких предприятий, транспортными и другими налогами. Постоянная иностранная контрольная комиссия, разместившаяся в Берлине, должна была следить за немецким бюджетом и функционированием заложенных предприятий. Для оценки германской собственности, ставшей косвенной гарантией займа, была послана целая команда специалистов из США²⁵⁶.

План Даурса не фиксировал общую сумму германских репараций, а только определил способ выплат: до 1929 г. Германия должна вносить ежегодные платежи, начав с 1 млрд золотых марок и постепенно, к пятому году, увеличить их до 2,5 млрд с 1930 г. При этом должен был применяться «индекс уровня экономики», в случае его увеличения репарации увеличивались, в случае снижения – оставались на прежнем уровне. Указанные платежи составляли 3–4 % национального дохода.

«Каждый год обязательства Германии считались бы выполненными, если бы ежегодные платежи вручались главному представителю Комиссии по репарациям в Берлине. Затем он должен был конвертировать полученную от Германии сумму в иностранную валюту и распределять ее между союзными державами»²⁵⁷. Главный представитель в любой момент мог отменить действие статьи о трансферте, то есть ежегодный репарационный взнос Берлина мог быть приостановлен, если марка начинала испытывать чрезмерное затруднение²⁵⁸. Именно эта статья «О защите трансфертов», плана Даурса, по словам Ритчла, «заложила основы кредитной пирамиды конца 1920-х годов»²⁵⁹.

Пятилетка «синтетического процветания» Германии, как назвал ее Препарата, началась с лета 1924 г.²⁶⁰ В Германии начали одалживать все и всё: рейх, банки, муниципалитеты, земли, предприятия и частные домашние хозяйства. Деньги тратили на строительство домов, оборудование и организацию общественных работ. Веймарская республика воздвигала храмы из стекла и стали, планетарии, стадионы, велотреки, фешенебельные аэродромы, развлекательные парки, современнейшие морги, небоскребы, титанические плавательные бассейны и подвесные мосты²⁶¹.

При этом «значительная часть германского импорта капитала в 1920-е годы служила для выплаты репараций в кредит и, таким образом, не отражалась в торговом балансе»²⁶². Вся «эта кредитная авантюра», – как назвал ее Ритчл²⁶³, вызывала недоумение, как у современников, так и исследователей событий. По оценке видного немецкого экономиста И. Шумпетера, из всех инвестиций в Германии, сделанных после 1924 г., около четверти было так или иначе выброшено на ветер²⁶⁴. Министр иностранных дел Германии Г. Штресман в 1928 г. назвал эту финансовую политику «танцем на вулкане»²⁶⁵.

«Мир и даже американские кредиторы все чаще спрашивали своих политиков: «Во имя чего мы так рьяно помогаем Германии?» «Она, – отвечали политики, – наш союзник в борьбе с коммунизмом»»²⁶⁶. Конгрессмен Л. МакФедден был другого мнения: пропагандистскую кампанию помощи Германии, по его словам, двигали частные интересы американских банков кредиторов, поскольку, «именно американской публике следовало продать основную часть германских репараций, и чтобы достичь этой цели, понадобилась систематическая фальсификация исторических, финансовых и экономических фактов. Это было необходимо, чтобы создать в Америке такое настроение, которое сделало бы успешным продажу немецких облигаций»²⁶⁷.

Облигации, выпущенные американскими банками, предоставившими Германии займы, были распроданы рядовым американцам, которые в результате и потеряли эти миллиарды марок²⁶⁸. «Я знаю, конечно, – подтверждал этот факт президент Ф. Рузвельт, – что наши банкиры получили непомерные прибыли, когда в 1926 году ссудили огромные суммы германским компаниям и муниципалитетам. Им удалось перепродать облигации германского займа тысячам американцев...»²⁶⁹.

Технически, приток капиталов в Германию обеспечивала значительная разница в процентных ставках между ней и кредиторами, достигавшая 2-х кратной величины (Гр. 3).

Иностранцев привлекали и дешевые немецкие активы: с началом плана Дауэра американские фирмы стали владельцами и совладельцами многих немецких компаний: «Опель», электро- и радиоприемников «Лоренц», «Микст-Генест», угольного концерна «Стиннес», нефтяных и химических концернов «Дойче-американисхе петролеум» и «ИГ Фарбенин-дустри», объединенного «Стального треста» и т. д.²⁷⁰ Если бы «деньги продолжали литься рекой, – приходил к выводу Препарата, – то Германия в скором времени превратилась бы в настоящую колонию Уолл-стрит»²⁷¹.

Гр. 3. Разница в процентных ставках по отношению к США, %²⁷²

Первоначально иностранные кредиты оказали благотворное влияние на германскую экономику, приведя к быстрому росту заказов в машиностроении, увеличению выпуска промышленной продукции и соответственно повышению фондового индекса. Однако одновременно Германия все в большей мере сталкивалась с ограниченностью внутреннего рынка сбыта, но была вынуждена продолжать брать все новые кредиты, даже несмотря на то, что ее внутренний рынок уже не мог эффективно поглощать их. Это вынуждало немцев идти на неэффективные инвестиции, т. е. попросту «проедать» иностранные кредиты. Как отмечает Ритчл «заимствование, таким образом, принимает форму потребительского кредита»²⁷³.

Предусмотренные планом Дауэра вливания достигли пика в 1927 г., когда германский рынок оказался окончательно перенасыщен, с одной стороны, деньгами, с другой, – промышленной продукцией. Снятие внешнеторговых санкций с Германии в 1925–1926 гг. привело к стремительному росту иностранных заказов. Но они не смогли остановить продолжавшегося снижения индекса фондового рынка (Гр. 4).

Гр. 4. Заказы германской машиностроительной промышленности и индекс Берлинского фондового рынка, по кварталам, 1928 г. – 100 %²⁷⁴

Перспективы неизбежного краха «кредитной пирамиды» забеспокоили президента Рейхсбанка Шахта уже с начала 1926 г. Тогда Шахт попытался установить контроль над частными заимствованиями за рубежом, но безуспешно. Когда он пытался наладить финансовую дисциплину, правительство в ответ наоборот вводило налоговые привилегии для иностранных кредитов, правительству были необходимы средства для финансирования экономики. Проблема Шахта, в свою очередь, заключалась в том, что при росте долговой нагрузке, доля накопленных в Германии оставалась ничтожной, а финансовые резервы практически отсутствовали. Платить было нечем. Почувствовав угрозу J. P. Morgan, а за ним в конце 1927 г. и другие американские банки снизили кредитный рейтинг Германии.

Причина трудностей, с которыми столкнулась германская экономика, заключалась в том, приходил к выводу М. Адалет из университета Беркли, что гиперинфляция 1921 и последующая стабилизация по плану Дауэрс, «значительно ослабили немецкие банки, снизив их коэффициенты достаточности капитала и ликвидности..., приток иностранного капитала (особенно краткосрочного) маскировал эти проблемы, но выявил и обострил их в период, предшествовавший кризису»²⁷⁵.

«Трудности немецкой экономики... были вызваны не внешним бременем»²⁷⁶, отвечал С. Шукер из Принстона, а «социальными изменениями в Веймарской Республике», которые «оказали пагубное влияние на экономическую активность»²⁷⁷. На эти социальные изменения, указывал генеральный агент С. Гилберт в своих ежегодных обзорах: за шесть лет работы надзирателем за возмещением ущерба он обнаружил, что трансферты из Рейха штатам и муниципалитетам выросли на 19,1 %, административные расходы правительства выросли на 57,7 %, а социальные расходы выросли на 419,3 %²⁷⁸.

Следствием этих социальных изменений, указывает Шукер, стало снижение эффективности немецкой экономики, которое выразилось: в «болезненно медленном накоплении инвестиционного капитала»²⁷⁹, и в относительно медленном повышении производительности труда, в результате экспортные цены в Германии снизились всего на 1,7 % по сравнению с 12,8 % в Соединенных Штатах и 10,7 % в промышленной Европе в целом²⁸⁰.

На деле, причина медленного накопления капитала в Германии крылась не столько в социальных изменениях, сколько во все увеличивающемся его оттоке (Таб. 1). В результате

американской помощи, пояснял Препарата, «в системе денежного обращения Германии не оказалось ни единой капли ее собственных денег, в течение всего срока «золотой помощи» она дышала на одолженной крови. Теперь, когда мельница была запущена, Германии предстояло жить за счет «потока», как образно выразился Дауэрс в своей парижской речи»²⁸¹.

Суть подобных планов была отчетливо понятна и самим американским кредиторам. Еще в мае 1919 г. Вильсон заявлял: «Наши экономические специалисты и финансовые эксперты... убеждены, что представленный план, снабжения Германии работающим капиталом, лишен здоровой основы. Как можно снабжать Германию капиталом, лишая ее собственного капитала полностью?»²⁸²

Таб. 1. Выплаты по Репарациям и по Плану Дауэрса, млн. RM²⁸³

	1925	1926	1927	1928	1929
План Дауэрса		291	550	839	1220
Репарации	884	1108	1379	1849	2149

Социальные изменения, произошедшие в Германии, были вызваны не столько вдруг полевевшими правыми, стоявшими у власти, сколько необходимостью сохранения социальной стабильности, после обнищания средних классов во время гиперинфляции, и расширения внутреннего рынка сбыта, в условиях ограниченных внешних рынков. Уровень производительности труда, при прочих равных условиях, определяется размерами рынков сбыта. Кредитная пирамида Даурса стала рушиться именно тогда, когда она уперлась в пределы платежеспособного рынка.

По плану Дауэрса Германии должна была получить 30 млрд золотых марок, но с 1924 по 1929 гг. успела взять всего 13,7 млрд рейхсмарок (RM)²⁸⁴, выплаты репараций с 1924 по 1929 гг., с процентами по плану Дауэрса, составили 10,3 млрд²⁸⁵. Примерно 40–45 % этой суммы было уплачено в виде материальных поставок, остальное – за счет иностранных кредитов²⁸⁶. В 1929 г. дефицит консолидированного бюджета Германии составил 1,2 млрд RM или 14 % текущих доходов бюджета²⁸⁷.

План Юнга

На «помощь» вновь пришли американцы. «План Юнга»²⁸⁸, принятый летом 1929 г., устанавливал репарационные платежи в размере до 2 млрд RM для первых 37 лет и 1607–1711 млн. RM для последующих 22 лет. (т. е. Германия должна была платить репарации почти 60 лет, до 1988 г.). Таким образом, в отличие от плана Даурса ежегодные платежи Германии были несколько снижены (на 0,5 млрд RM), но с другой стороны – определены общая сумма и сроки выплат. Отменялся международный контроль над бюджетом Германии и данными Германией обязательствами. Германия снова становилась хозяйкой собственных железных дорог. Заложённые предприятия освобождались от залога, а генерального агента Комиссии по репарациям сменял Банк международных расчетов в Базеле²⁸⁹.

Но главным в этом плане было значительно ужесточение взимание платежей. Ежегодные платежи требовалось выплачивать только валютой. Кроме этого, в отличие от плана Даурса, где закон о защите трансфертов защищал немецкую валюту от обесценивания, план Юнга ставил часть годовых платежей (612 млн. плюс проценты по плану Дауэрса) вне законов, о защите трансфертов. Часть долга могла быть возмещена в ценных бумагах и продана частным инвесто-

рам, чтобы выручить наличность для выплат Франции, которая взамен обязывалась к 1930 г. вывести войска из Рейнской области.

Руководитель немецкой делегации на переговорах по плану Юнга в 1929 г., президент Рейхсбанка Я. Шахт «предупреждал, что, учитывая высокие требования о возмещении ущерба, отказ от защиты трансферов и карательные санкции Плана Юнга, его принятие приведет Германию к глубокой депрессии и вызовет политический хаос»²⁹⁰. Тогда «любой здравомыслящий человек понимал, – подтверждал стальной магнат Ф. Тиссен, – что по плану Юнга залогом выполнения обязательств Германии становилось все ее национальное богатство..., (что) означало начало финансовой ликвидации Германии...»²⁹¹.

«Спустя 11 лет после окончания войны этот план, – приходил к выводу историк И. Фест, – казалось, издевался над идеей «семьи наций»»²⁹². Этот план, по словам А. Ритчла, подрывал даже те слабые перспективы на оздоровление экономики, которые еще оставались в Германии. Именно План Юнга обрушил германскую экономику в Великую Депрессию, даже раньше, чем она приобрела мировое значение²⁹³.

Действительно, немедленным следствием только объявления плана Юнга в марте 1929 г., еще до его ратификации, стал отказ внутренних и внешних кредиторов Рейхсбанку в новых кредитах, одновременно «ряду немецких частных банков пришлось приостановить платежи, так как они были не в состоянии выполнять требования американских банков по возвращению предоставленных им кредитов»²⁹⁴. Разразившийся и все более углубляющийся финансовый кризис повлек за собой радикализацию политической ситуации в Германии. Именно «План Юнга, – приходил к выводу Тиссен, – был одной из главных причин подъема национал-социализма в Германии»²⁹⁵.

Даже склонный к одиозности британский историк А. Буллок был вынужден признать: «Разносторонние усилия Гитлера и нацистов заполучить поддержку, предпринятые ими между 1924 и 1928 гг., являют собой неприглядную и бессмысленную картину. Совершенно очевидно, что до тех пор, пока обстоятельства не переменились в пользу нацистов и большие массы людей не прониклись их идеями, даже такие талантливые пропагандисты, как Гитлер и Геббельс, не могли ничего поделаться и заставить к себе прислушаться»²⁹⁶. Эти «обстоятельства», указывает Ритчл, переименовал План Юнга, который «привел к экономическому кризису..., и что более важно придал силу немецкому фашизму»²⁹⁷.

Самый важный документ современности

Версальский договор «это самый важный документ современности».

Д. Ллойд Джордж²⁹⁸

Свобода торговли

Можно ли, по правде говоря, верить в искренность людей, которые говорят о том, что война есть пережиток варварства, льющих слезы об ужасах войны, но в то же время не желающих добровольно уступить тех преимуществ, которые они уже захватили.

Н. Головин²⁹⁹

Третий пункт вильсоновской программы провозглашал «устранение, по мере возможности, всех экономических барьеров и установление равенства условий для торговли между всеми государствами... членам(и) Лиги наций. Оно означает уничтожение всех особых торговых договоров, причем каждое государство должно относиться к торговле всякого другого государства, входящего в Лигу, на одинаковых основаниях, а статья о наибольшем благоприятствовании автоматически применяется ко всем членам Лиги наций. Таким образом, государство сможет на законном основании... сохранить любые ограничения, которые оно пожелает, по отношению к государству, не входящему в Лигу. Но оно не сможет создавать разные условия для своих партнеров по Лиге. Эта статья, естественно, предполагает честную и добросовестную договоренность по вопросу о распределении сырья»³⁰⁰.

Доля США в мировом промышленном производстве в то время более чем в два раза превышала долю всех остальных участников Лиги вместе взятых. Принцип «свободы торговли», при подавляющем экономическом и промышленном превосходстве США, открывал рынки стран членов Лиги для сбыта американской продукции. Англия и Франция более чем отчетливо понимали это. Европейцы, указывая на этот факт глава американского совета по мореплаванию Э. Херли, «бояться не Лиги Наций..., не свободы морей, а нашей морской мощи, нашей торговой и финансовой мощи»³⁰¹.

Но еще больше европейцев страшил более близкий и грозный соперник, указывая итальянский экс-премьер Нитти, – Германия: «Во всех странах Европы преобладает только один страх: немецкая конкуренция»³⁰². Во Франции экономическая мощь даже поверженной Германии вызывала суеверный ужас: «Источники германской мощи, – утверждал Клемансо, – остались в основе своей нетронутыми»³⁰³, в то время, как наиболее промышленно развитые районы Франции, побывавшие под многолетней немецкой оккупацией, были разрушены. «Мы должны быть готовы к тому, что так или иначе нам придется встретиться с неведомой Германией, – восклицала газета «Тан», – Возможно, Германия потеряла свою армию, но она сохранит свою мощь»³⁰⁴. Французы требовали введения ограничений на работу германской промышленности и запрета выпуска главных видов продукции.

«Ллойд Джордж, к этому времени, уже включил в свою предвыборную программу пункт о необходимости «имперских преференций», для «защиты ключевых отраслей национальной промышленности». Нам нужен будет барьер, чтобы не допускать германские товары, – требовал представитель Бельгии Гиманс, – Германия легко может наводнить наши рынки»³⁰⁵.

Австралийский премьер У. Хьюз призывал: «обрубить щупальца германскому торговому осьминогу»³⁰⁶.

Версальский договор, как раз и выполнял функцию барьера, закрывавшего Германию, не допущенной в Лигу Наций, рынки сбыта основных конкурентов. Дополнительно, договор предусматривал, что «в отношении импортных и экспортных тарифов, регулирования и запретов, Германия должна на пять лет предоставить наиболее благоприятные условия для союзников и ассоциированных членов»³⁰⁷.

Но это было только началом. По условиям Версальского договора, германский торговый флот, репатриированный и ограниченный союзниками, не мог быть восстановлен в течение многих лет, как следствие Германия могла осуществлять свою морскую торговлю только посредством торговых судов союзников, т. е. с их согласия и на их условиях³⁰⁸. Другой пункт договора требовал, чтобы германская нация предоставила все свои права и интересы в России, Китае, Турции, Австрии, Венгрии и Болгарии в распоряжение победителей. Влияние Германии в этих странах уничтожалась, а капитал конфисковывался. Следующий пункт требовал от Германии отказа от всех прав и привилегий, которые она могла приобрести в Китае, Сиаме, Либерии, Марокко, Египте. Другой пункт провозглашал, отказ Германии от участия в любых финансовых и экономических организациях международного характера³⁰⁹.

Одновременно условия Версальского договора подрывали внутренние основы экономической мощи Германии, на которые указывал Кейнс: «германская империя была в большей степени построена углем и железом, чем «железом и кровью»»³¹⁰. Именно на металлургической промышленности строилась вся база германской химической, стальной, электротехнической индустрии.

С возвращением Франции Эльзаса-Лотарингии, Германия теряла 75 % всех запасов железной руды³¹¹. Если Франция заберет у Германии и уголь, предупреждал экс-премьер Италии Нитти, то «немецкое производство будет обречено. Лишить Германию Верхней Силезии означало бы убить производство после того, как оно было дезорганизовано в самых корнях своего развития»³¹². По Версальскому договору Германия теряла Рур, Саар, Верхнюю Силезию, дававших треть всего довоенного германского производства угля. Кроме этого в течение 3–5 лет после заключения договора Германия должна была поставлять еще почти 25 % довоенной добычи угля в виде репараций и компенсаций Франции, Италии, Бельгии и Люксембургу³¹³.

У победителей, доминировала «одна преобладающая цель: уменьшить конкуренцию Германии», но это восклицал итальянский экс-премьер Нитти, «практически равносильно тому, чтобы сделать невозможным выплату ею военного возмещения»³¹⁴. Действительно, откуда в таком случае Германия могла взять валютные активы для выплаты репараций и собственного выживания?

«Русский вопрос, – отвечал на этот вопрос, Дж. Кейнс, – жизненно важен»³¹⁵. Россия должна была стать «новым каналом» для отвода немецких товаров. Этого, по мнению Кейнса, требовала и объективная необходимость: только германская промышленность, организаторский и деловой талант могут поднять экономику России из руин и в итоге обеспечить Европу зерном и сырьем, «в наших интересах ускорить день, когда германские агенты и организаторы... придут в Россию движимые только экономическими мотивами»³¹⁶.

Но главное указывал Кейнс, заключалось в том, что: «мировой рынок един. Если мы не позволим Германии обмениваться продуктами с Россией и таким образом прокормить себя, она неизбежно будет конкурировать с нами за продукты Нового Света. Чем больше мы будем преуспевать в разрыве экономических отношений между Германией и Россией, тем больше мы будем снижать уровень наших собственных экономических стандартов и увеличивать серьезность наших собственных внутренних проблем»³¹⁷.

Однако доля России в германском экспорте, даже на пике 1913 года, достигала всего 10,8 %³¹⁸. Мало того, существовала угроза того, что экономическое сближение двух стран перерастет в политическое. Эти опасения, казалось, получают реальное подтверждение в 1922 г., когда в Лондоне и Париже, по словам немецкого публициста С. Хаффнера, царил не страх – ужас: Рапальский договор «нарушал европейское равновесие, поскольку Германия и Советская Россия по совокупной мощи превосходили западные державы»³¹⁹.

Тем не менее, союзники не смогли найти каких-либо других альтернатив. «Если поток товаров из Германии пойдет по старым каналам, предназначенным для совершенно других отношений, – предупреждал Д. Штамп (сотрудник созданного в марте 1923 г. «Комитета по экономическому восстановлению», под председательством американского банкира Ф. Дж. Кента), – он переполнит и разрушит их. Поэтому для отвода немецких товаров должны быть созданы новые каналы»³²⁰. Этим каналам найти не удалось и в 1924 г. немецкий экспорт рухнул.

Стремительный рост германского экспорта начнется только после 1925–1926 гг.: в январе 1925 г. истечет 5-ти летний срок торговых преференций для победителей, а в 1926 г. Германия будет принята в члены Лиги Наций³²¹.

На руинах империй

В день заключения мира мы так перекроим карту Европы, что опасность войны будет устранена.

*В. Маклаков, посол России во Франции, октябрь 1917 г.*³²²

Наконец, отмечал Черчилль «множество препятствий и пошлостей убрано с дороги, и мы можем подойти к центральным проблемам, к расовым и территориальным вопросам, к вопросу о европейском равновесии и создании мирового правительства. От того или иного разрешения этих вопросов зависит будущее, и нет на Земле ни одной хижины... обитатели которой не могли бы в один прекрасный день испытать на себе все последствия данного разрешения их, и притом в очень неприятной для них форме»³²³.

В Европе слова Черчилля относились к тому пункту вильсоновской программы, который провозглашал право наций на самоопределение. В соответствии с этим принципом границы новых государств «должны определяться сообразно нуждам всех заинтересованных народов», что «успокоит малые нации, которые сейчас находятся в состоянии крайнего возбуждения»³²⁴. Основой мира, настаивал Вильсон, «должно быть право каждой отдельной нации самой решать свою судьбу без вмешательства сильного внешнего врага»³²⁵.

Однако перспективы практической реализации этого принципа с самого начала вызвали сомнения даже среди ближайших сотрудников Вильсона. «Когда президент говорит о самоопределении, что, собственно, он имеет в виду? – вопрошал госсекретарь Р. Лансинг, – Имеет ли он в виду расу, определенную территорию, сложившееся сообщество? Это смешение всего... **Это породит надежды, которые никогда не смогут реализоваться**. **«Эта фраза начинена динамитом**. Она возбуждает надежды, которые никогда не будут реализованы. Я боюсь, что эта фраза будет стоить многих тысяч жизней»³²⁶.

Между тем, перед раздираемыми противоречиями вершителями судеб европейских народов лежали осколки трех Великих империй, Российской, Австро-Венгерской и Германской, и с ними необходимо было, что-то делать.

Франция взяла свою добычу сразу – вернув себе, в соответствии с восьмым пунктом Вильсона, утраченные земли: «Несправедливость, допущенная в вопросе об Эльзасе и Лотарингии в 1871 г..., в течение почти пятидесяти лет была причиной неустойчивости евро-

пейского мира, – эта несправедливость, – отмечал Черчилль, – должна быть исправлена»³²⁷. При этом, в мирном договоре указывалось, что «французское правительство имеет право безвозмездно экспроприировать личную собственность частных немецких граждан и немецких компаний, проживающих или расположенных в пределах Эльзас-Лотарингии, причем вырученные средства зачисляются в счет частичного удовлетворения различные французские претензии»³²⁸.

Но Франции этого было мало: «Эльзас и Лотарингия, так сказать не в счет, – указывал министр иностранных дел А. Бриан, – мы только получаем обратно то, что было отторгнуто от нас... Эльзас-Лотарингия должна быть восстановлена не «в искалеченном виде», в каком она была в 1815 г., а в границах, существовавших до 1790 года. Территория Саарского бассейна с его полезными ископаемыми должна отойти к Франции, более того, Рейн должен служить оплотом Франции»³²⁹.

«В Сааре вообще не было французского населения... Но разве в прежние времена Саар не принадлежал полностью или частично Франции? Политика и экономика – это еще не все, сказал Клемансо; история также имеет большое значение. Для Соединенных Штатов сто двадцать лет – большой срок; для Франции они мало что значат. Материальных репараций недостаточно, должны быть и моральные репарации, и концепция Франции не может быть такой же, как у ее союзников. Стремление к Саару отвечало, по словам Клемансо, потребности в моральном возмещении ущерба»³³⁰.

На требование отдать Саар Франции, Хауз ответил отказом, «потому что это будет означать передачу Франции 300 тыс. немцев... Мсье Клемансо обозвал меня германофилом и порывисто вышел из комнаты» – вспоминал он³³¹. Ради продолжения мирной конференции Хаузу пришлось пойти на компромисс и в собственность Франции перешли угольные копи Саарской области, дававшие в 1913 г. 12 млн. т угля. Управление областью было передано Лиге Наций сроком на 15 лет, с последующим плебисцитом.

Претензии французов на Рейн крылись в их страхе перед немцами, приходил к выводу Ллойд Джордж: «Нельзя иметь продолжительного разговора с французом без того, чтобы не отдать себе отчета, насколько призрак германских детей пугает Францию и влияет на ее суждения. Эти дети, говорят, вскармливаются для мести...»³³². «В почти мучительном стремлении Франции уничтожить Германию», «занять многочисленными войсками левый берег Рейна и плацдармы», «мы видим, – подтверждал Нитти, – ее страх перед будущим больше, чем просто ненависть»³³³.

«Здесь нет никакого естественного барьера вдоль границы, – пояснял маршал Ф. Фош, требуя отдать левый берег Рейна, – Можем ли мы удержать немцев, если они нападут на нас опять?... природа создала лишь одну преграду – Рейн. Этот барьер должен быть противопоставлен Германии. Таким образом, Рейн будет западной границей германских народов»³³⁴. «Мы должны (были) захватить немецкую территорию вплоть до Рейна, но, – как отмечал французский посол в Берлине, – Вильсон помешал нам сделать это»³³⁵.

Вместе с этим рухнули надежды Парижа и на создание независимой Рейнской республики, под французским протекторатом³³⁶, которая должна была расположиться в 50-ти километровой зоне по правому берегу Рейна, для предотвращения неожиданного развертывания немецких войск. В итоге Рейнская республика переродилась в Рейнскую демилитаризованную зону, оккупированную войсками союзников, причем содержание оккупантов возлагалось на рахитичный германский бюджет³³⁷.

Создавая Чехо-Словакию, творцы версальского мира щедро одарили ее прежними австрийскими землями: Богемией, Моравией, большей частью Австрийской Силезии, Венгерской Словакии и Прикарпатской Руси на территории 140.485 кв. км. Она объединила около

14 млн. жителей, из них 5,5 млн. других национальностей (в том числе и более миллиона богемских немцев). К Чехословакии отошло 75 % промышленности бывшей Австро-Венгрии, в то время как по площади и количеству населения она составляет лишь 20 % старой габсбургской монархии. Чехо-Словакия получила 53 % австрийской химической промышленности, 75 % – бумажной, 76 % – угольной, 78 % – металлургической, около 85 % – текстильной, 93 % – стекольной и 100 % – фарфоровой промышленности³³⁸. Вся эта щедрость была платой за «подвиги» Чехословацкого корпуса во время интервенции в Поволжье, на Урале и в Сибири¹¹. Кроме этого Париж преследовал и практические цели: в усилении Чехословакии, он видел укрепление своего «санитарного кордона» против Советской России, и одновременно противовеса Германии на Востоке.

Небольшие приобретения сделала Дания, Бельгия получила 989 кв. км. Свою долю взяла и Румыния, которая, по словам Кигана, как: «главный победитель, получила более чем щедрую компенсацию за свое вмешательство на стороне союзников в 1916 году, унаследовав тем самым постоянный источник разногласия с Венгрией – а также потенциально с Советским Союзом, – и включила в свой состав малые народности, которые составляли более четверти населения»³³⁹.

Самым сложным оказалось удовлетворение претензий Польши. «Никто нам не принес столько неприятностей, как поляки...., – отмечал по итогам конференции Ллойд Джордж, – Опьяненная молодым вином свободы, которым ее снабдили союзники, Польша снова вообразила себя безраздельной хозяйкой Центральной Европы»³⁴⁰. «Получив многое, получив гораздо больше, чем они думали или надеялись, они, – подтверждал Нитти, – считают, что их преимущество заключается в новой экспансии. Польша нарушает договоры, нарушает законы международного права и защищена во всем, что она предпринимает»³⁴¹.

К началу 1919 г. Польша вела захватнические войны со всеми своими соседями, с немцами, чехами, литовцами, украинцами, белорусами, русскими. Поляки заявляли, что «эти различные национальности принадлежат им по праву завоевания, осуществленного их предками»³⁴². Представитель Польши Дмовский требовал возвращения ее в границы 1772 г. – до первого раздела Польши³⁴³, и при этом указывал, что «украинское государство представляет собой лишь организованную анархию... Ни Литву, ни Украину нельзя считать нацией»³⁴⁴.

На Востоке Польша, прежде всего, претендовала на Восточную Галицию, которая согласно официальным американским комментариям к «14 пунктам» была «в значительной мере украинская (или русинская) и по праву к Польше не относится. Кроме того, имеется несколько сот тысяч украинцев вдоль северной и северо-восточной границ Венгрии и в некоторых частях Буковины (которая принадлежала Австрии)»³⁴⁵. В комментариях прямо указывалась, что «На востоке Польша не должна получать никаких земель, где преобладают литовцы или украинцы»³⁴⁶. Тем не менее, при поддержке «союзников» и прежде всего Франции, Польша начала польско-советскую войну¹². В ней польские «войска едва избежали поражения. Их случайный и неожиданный успех хотя и был явным национальным триумфом, но, – как отмечает британский историк Д. Киган, – перегрузил молодую страну множеством представителей национальных меньшинств, в основном украинцев, что уменьшило пропорцию польского населения до 60 % от общей численности»³⁴⁷. На Северо-Востоке Польша произвольно

¹¹ См. подробнее: Галин В. Гражданская война в России. // Политэкономика истории, т. 4, гл. Чехословацкий корпус.

¹² См. подробнее: Галин В. Гражданская война в России. // Политэкономика истории, т. 4, гл. Польша.

оккупировала Вильно – «город, который по обычному договору принадлежит Литве», и мало того претендует еще и на Ковно³⁴⁸.

Претензии Польши на Западе Дмовский обосновывал Хаузу тем, «что Германия в духовном отношении на триста лет отстала от цивилизованной Европы». Хауз безуспешно просил Дмовского «проявить умеренность» и для начала нормализовать обстановку внутри страны, что бы «поляки имели перед собой перспективу внутреннего согласия»³⁴⁹. Но Перспектива Великой Польши будоражила воображение польской шляхты гораздо сильнее. Поляки, отмечал этот факт ген. М. Гофман, «совершенно переоценивают себя. Фантазеры, которые способны только мечтать, но не могут и не хотят понять реальных отношений»³⁵⁰.

В ответ на претензии Польши, Ллойд Джордж предупреждал участников конференции: «Если, в конце концов, Германия почувствует, что с ней несправедливо обошлись при заключении мирного договора 1919 года, она найдет средства, чтобы добиться у своих победителей возмещения... Я не могу не усмотреть причину будущей войны в том, что германский народ, который достаточно проявил себя как одна из самых энергичных и сильных наций мира, будет окружен рядом небольших государств. Народы многих из них никогда раньше не могли создать стабильных правительств для самих себя, и теперь в каждое из этих государств попадет масса немцев, требующих воссоединения со своей родиной. Предложение комиссии по польским делам о передаче 2 миллионов 100 тысяч немцев под власть народа иной религии, народа, который на протяжении всей своей истории не смог доказать, что он способен к стабильному самоуправлению, на мой взгляд, должно рано или поздно привести к новой войне на Востоке Европы»³⁵¹.

«Если англичане так обеспокоены умиротворением Германии, – отвечал на это Клемансо, – то они могут предложить колониальные, военно-морские или торговые уступки... Англичане морской народ они не испытали на себе чужого нашествия». «Эрозия же французской военной мощи ускорена исчезновением прежнего жизненно важного противовеса в виде России»³⁵². Вместо России Клемансо теперь делал ставку на Польшу, как на потенциального союзника против Германии. В этих целях французы совершенно сознательно поддерживали поляков в их стремлении создать Великую Польшу³⁵³.

«Все акты насилия Франции против Германии до позавчерашнего дня были следствием ненависти; сегодня, они проистекают из страха»³⁵⁴, подтверждал Нитти. Вместе с тем Нитти считал, что Франция преследовала и экономические цели: она «стремилась разрушить немецкую промышленность и, получив контроль над углем, монополизировать в Европе металлургическую промышленность и ее производные»³⁵⁵. Отторжение Саара – это потеря Германией 13,2 млн. тонн угля в год, Верхней Силезии – еще 43,8 млн. тонн. В результате с остальными требованиями союзников, в отношении угля, производство Германии, приходил к выводу Нитти, «будет полностью парализовано»³⁵⁶.

При поддержке Франции, Польша добилась получения от Германии: части Познани; Западной Пруссии; Силезии (95 % силезского угля); Померании и Восточной Пруссии, служившей для Германии продовольственной базой (42.865 кв. км с 2,9 млн. населения); а также, вопреки плебисциту, правый берег Вислы. Мало того, для обеспечения выхода Польши к морю Германия была разрезана Польским коридором, отделявшим ее от Восточной Пруссии. По итогам конференции, Ллойд Джордж назвал поляков «кликлой жадных феодальных лендлордов, которые вовсе не сражались во время войны с Британией»³⁵⁷.

* * *

«Версальский договор» привел Германию, Австрию, Турцию, Венгрию и Болгарию, к таким экономическим и территориальным потерям, «что у них нет возможности восстановить свое национальное существование», – приходил к выводу Нитти³⁵⁸. Но «наибольшее беспокойство, – указывал он, – вызывает тот факт, что (три десятка) второстепенных государств, особенно те из них, которые не принимали участия в войне, с каждым днем становятся все более требовательными и проявляют новые устремления»³⁵⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.